

Петр Ингвин
ИСТОРИИ,
пожалуй,
круче чем у вашего
браузера

Сборник рассказов

16+

Петр Ингвин
Истории, пожалуй, круче,
чем у Вашего браузера.
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31256825
SelfPub; 2022*

Аннотация

В сборник вошли заставляющее плакать светлое «Такси Деда Мороза», переносящий в Одессу юмористический «Сын своей матери», оставляющее в задумчивости «Любить значит верить», провокационная «Цель», дерзкая «Перфекционистка», мудрое «Пробуждение», басня «Главное птичье правило», сказка «Вася и волшебники» и другие рассказы и миниатюры на взрослые и детские темы, от юмора до трагедии. Автор обложки – Галина Николаиди.

Содержание

Такси Деда Мороза	4
Сын своей матери	13
Микротрагедия «2020»	22
Перфекционистка	23
Девиз Деда Мороза	33
Главное птичье правило	45
Любить значит верить	47
Вася и волшебники	65
Картина, снимок и любовь	68
Ой, всё	113
Пашка	117
Цель	129
Пробуждение	132

Петр Ингвин

Истории, пожалуй, круче, чем у Вашего браузера. Сборник рассказов

Такси Деда Мороза

– С площадки на входе в парк имени шетипяти... шестидесятипятилетия...

– С «пяточка»?

Из рации дохнуло облегчением:

– С «пяточка» забрать и отвезти домой слепого. Последний заказ в этом году.

– Слепой – в парке один среди ночи? – буркнул Эдик. – Шикарно. Я вчера смотрел фильм про маньяков...

Он выкрутил руль влево, машина развернулась поперек присыпанной снегом сплошной полосы: разметка не видна, ни один гаишник не докопается. И какие в такое время гаишники? Вот к утру, когда с гулянок потянутся домой подвыпившие...

– Постоянный клиент, – сквозь треск перебил голос из рации, – отвозим на «пяточок» к нолю часов по пятым пятни-

цам месяца и в ночь на субботу забираем.

– Для справки: в месяце четыре недели.

– Иногда пять. Посчитай: если тридцать первое выпало на пятницу...

Эдик оборвал:

– Заказ принял.

«Последний в этом году» по выражению диспетчера. Еще бы, до Нового года – десять минут. А настроение – не праздничное, несмотря на круговерть огней, людей и красок. Еще один год прошел зря. Каждая новая купюра в кармане шуршит: «Ну что? Стал счастливее?» На борту снаружи написано: «Такси Деда Мороза, привозим счастье». Хозяевам бизнеса и чуть-чуть водителю – да, если мерить счастье деньгами. Деньги не главное? А что главное? Пусть покажут счастливого без денег, посмеемся вместе.

По случаю праздника желтое такси украсили надписями и мишурой, водителям раздали колпаки а-ля Санта Клаус. Дескать, дарим людям радость – позволяем попасть в нужное место в часы, когда люстры, вспоминая былое, с испугом косятся на шампанское. А то, что условия оплаты напоминают грабеж – это издержки производства, отрыжка рыночных отношений.

Улицы пустели на глазах. Заиндевевший клиент выглядел горкой снега на занесенной скамье, перемигивание гирлянд окрашивало его в разные цвета, тросточка превратилась в белый посох.

– Оленью упряжку заказывали? – В распахнутую дверь во-
рвались клубы колючего тумана.

Слепой не двинулся с места.

– Полночь? – Незрячие глаза глядели вдаль.

Шапка-ушанка и брови мужчины пушисто искрились, пу-
ховик задубел и покрылся ледяной коркой. Давненько сидит.

Слепцы у Эдика ассоциировались со стариками, что не вя-
залось с увиденным: сложив руки на коленях, скамью пону-
ро занимал молодой мужчина, лицо выглядело почти юным,
впечатление портили несколько шрамов и мертвенная непо-
движность взгляда.

– За пять минут домчу, успеете встретить с родными.

– На каком свете? – Клиент оказался с юмором. – Про-
стите, но я смогу выехать не раньше, чем через пять минут.

Первое впечатление рассеялось. Эдик шумно выдохнул и
медленно досчитал в мозгу до десяти.

– Сейчас куранты пробьют, у людей праздник, а у меня
работа. – Не потакая требующим выхода непечатным оборо-
там, он проявлял чудеса учтивости. – Или вы сейчас же са-
дитесь в машину...

– Прибавьте к сумме, сколько нужно. – Клиент вновь не
повернул головы.

– Будет не пять минут ожидания, а год, если по календарю.
Не расплатитесь.

– Тогда не смею задерживать.

– Кого-то ждете? – предположил Эдик. – Женщину?

Должна прийти до двенадцати?

Сказал и осекся. Не «должна», а «может», диспетчер сказал «постоянный клиент». Сколько же слепец провел здесь своих пятниц?

– В сети искали? – спросил Эдик.

Обреченность, с которой человек махнул рукой, сказала больше самого развернутого ответа.

Столько времени упорно ждать свою «ее»... Смог бы Эдик так же? А Эдика – его «она»?

– Расскажите о ней, – попросил он, заперев машину и при-
мостившись по соседству.

Живой сугроб пожал плечами, движение вызвало хруст, словно под рыбаком проломился лед.

– История банальна. По пятницам и субботам нечетных недель я подрабатывал в парке продавцом – такой странный график ориентировался на сменщика, по-другому тот не мог. В одну из пятых пятниц это случилось. Мы познакомились здесь. – Взвив снежный вихрь, рука соседа стукнула по скамье. – Знаете, так бывает: увидишь человека и понимаешь – твой человек. Жизнь делится на до и после – на прошедшее в бесплодном ожидании и то, без чего дальнейшее теряет смысл. Она приехала поступать из другого города, я учился здесь. Не поверите, мы даже имен не спросили. Мы смотрели в глаза, в которых обнимались души, и говорили о ерунде. Имена, телефоны, контакты, как мы думали, можно узнать потом. У нас не оказалось «потом». Помните взрыв

в троллейбусе?

– Теракт?

Слепой кивнул.

– Меня грузили в одну «Скорую помощь», ее в другую. Оба захлебывались в крови и не могли шевелиться. Я прохрипел с носилок: «Пятачок, пятая пятница, буду ждать всегда». Затем были больницы, операции, длительное восстановление... Меня зашили и поставили на ноги, а зрение сохранить не получилось. По моей просьбе знакомые разместили в сети объявление, они долго искали по описаниям, но все, что выяснилось – среди погибших девушка с такими приметам не значилась. С тех пор я прихожу сюда четыре раза в год, иногда пять – в месяцы, в которых пять пятниц. В жару и в метель. С полуночи до полуночи. Собственно, все.

– Столько лет... и все равно надеетесь?

Слепой промолчал.

В нос летели снежинки, хотелось чихнуть. Наконец, над головами громыхнуло, затем еще раз, и салюты слились в сплошную канонаду.

– С Новым годом, – сказал Эдик.

– И вас. Никого поблизости не видите?

Со вздохом, который лучше слов обрисовал вид вымерших улиц, Эдик помог клиенту разместиться в машине.

Мотор всхрипнул, въезд в парк с труднопроизносимым названием исчез позади. Вокруг все переменялось. Город взорвался столпотворением. Почти на каждом перекрестке

сверкали елки, вокруг ликующе вопил и прыгал высыпавший из подъездов народ. Искры бенгальских огней воевали с фейерверками за право принести больше радости.

Вот вам и «везем счастье». Эдик едва не сплюнул. Конечно, не замерзнуть насмерть в Новогоднюю ночь тоже неплохо. Пусть и не предел мечтаний. «Такси Деда Мороза» не оправдывало названия, а изменить что-то было невозможно.

Нужный адрес оказался на окраине, в частном секторе. У калитки покосившегося домика клиент вышел.

– Простите, что испортил вам праздник. Возьмите, сколько нужно.

В сторону машины раскрылся веер некрупных купюр.

Инвалид на пенсии, а еще ездить и ездить – каждую пятую пятницу... Обменяв сотку на две смятые тысячные из сегодняшнего заработка, Эдик пробормотал:

– Это сдача. Подождите минуту.

Пальцы настучали в смартфоне: «Пятачок, пятая пятница». Вылезли десятки ссылок на группы родственных слов, проверочных, однокоренных... затем реклама, клубы, фильмы, телеканалы, мультфильмы, снова клубы...

Слепой отреагировал на плачущие звуки:

– Спасибо. Вдруг у вас рука легкая.

Далеко-далеко, на сотых страницах, встретилось его объявление. Слепого звали Вячеслав. Аналогичного объявления не нашлось.

В застывшем лице Вячеслава будто свет отключили: окон-

чание процесса он почувствовал интуитивно. Как и результат, вызванный молчанием. Обстукивая тросточкой протоптанную тропку, понурая фигура удалилась во тьму.

В салоне надрывался голос диспетчера:

– Ты меня слышишь? Поздравляю с первым заказом в этом году, хватай, пока не перебросил другому: улица Ле...

Эдик отключил рацию. Вместе с тишиной обрушилась слепота: краски размылись, огни погасли, через кожу в сердце вползла пустота. Белая, но быстро посеревшая, пустота двигалась как живая, но была мертвее мертвой. Она подвешивала в невесомости, облизывала ледяным языком и, в конце концов, превратилась во всепоглощающе-черную – снаружи и внутри. Эдика будто не стало. А был ли он? Как доказать? И кто он такой – не по паспорту, а по жизни? И жизнь ли это? Зачем пустоте дают паспорт?

В зеркале мелькнул хвост колпака, свисавшего с головы.

Это знак. Красная тряпка разбудила быка, тот ударил копытом и помчался на раздражитель. Шапка Деда Мороза. По Сеньке ли шапка?

Пальцы безостановочно бегали по экрану. Никто не мешал. Потерявшись во времени, сердясь на себя, взнуздывая фантазию и смекалку, Эдик пробовал разные варианты: все виды пяточков, пятниц, пятерок, и...

Боясь поверить, он медленно откинулся на подголовник.

Объявление. Разница – в одном из главных слов. Оно вызвало сбой при первом поиске.

Эдик набрал указанный внизу номер:

– С Новым Годом. Ольга? С вами говорят от имени Вячеслава, который... С чего вы взяли?! Жив. Извините, что напугал. У него проблема, после того случая он потерял зрение. Он по-прежнему вас любит, ищет и ждет. Что? Простите. Понял. Думаю, ему не важно. Да-да, хорошо.

Даже бежать не пришлось: хорошо ориентируясь в расчищенной части двора, Вячеслав возвращался.

– Слышу, вы не уезжаете, – начал он. – Я проверил, вы мне сдачу дали неправильно, это ва...

– Вячеслав, у Ольги не восстановился позвоночник, – выпалил Эдик. – Она не хотела навязываться, думала, что, если вы живы, без нее ваша жизнь сложится лучше. И все равно Ольга ждала вас год за годом так же, как вы ждали ее. Примерно раз в полугодие, как диктовал календарь, ее привозили на машине, которая до позднего вечера стояла напротив входа в парк. Но вы друг друга не поняли. Вы никогда бы не встретились. Ольга услышала «Пятачок, пятое, пятница» и приезжала в каждую из пятниц, выпадавших на пятые числа. Недавно Ольга все же разместила в сети весточку, и сейчас...

Протянутый телефон вырвали из рук Эдика, ориентируясь на голос из трубки.

Трудно вынести, когда плачут мужчины. А когда они плачут от радости...

У Вячеслава дрожали ноги. Эдик помог ему опуститься на

сиденье, сел на водительское и осторожно тронулся с места.

Влюбленные разговаривали, а машина летела по пустой трассе. Адрес был в объявлении. Да, соседний город. Да, далеко. И что? Когда машина подъедет, Ольга увидит надпись по борту. Или не увидит. Неважно. Эдик улыбался. Упущены заказы, для фирмы потерян постоянный клиент, потрачены время и бензин, даже уволить могут... а душа пела.

Оказывается, везти людям счастье – это и есть счастье.

Сын своей матери

Двор замер в предвкушении. С тех пор, как во флигеле поселились Сидоровы, редкая неделя проходила без концерта. Что раньше показывало кино, теперь разносилось под свинцовым небом Севера, словно Одесса переехала с Черного моря на Белое.

О скором начале спектакля сообщали распахнутые створки окна, в котором курсировала взад-вперед Роза Марковна. Она готовила речь. Пучок иссиня-черных волос почти задевал потолок пристройки, цветастое платье подчеркивало худобу и пело некролог юности, в которую стремилась душа, но вернуться в беззаботность которой не позволяли семья и годы. Красота, в свое время сразившая Сидорова-старшего, еще влекла взоры, но уравнилась изможденным изломом губ, сварливым настроением и вечно недовольным взглядом. Розе Марковне, как и главе семьи, было чуть за сорок, но апломб в узнаваемом всем городом голосе звучало минимум на шестьдесят, причем депутатских. И с мнением о том, кто именно глава, она бы убедительно поспорила.

С трех сторон двор охватывала клешня побитых временем пятиэтажек, с четвертой не сдавался плану застройки бревенчатый дом, заставший еще царя, пусть и не лично, а временем сосуществования. Слева к обветшалой стене притулилась щитовая пристройка, у нее имелся собствен-

ный, обнесенный палисадом, дворик, внутри которого сверкала намытыми боками недавно приобретенная Лада – единственное достояние Сидоровых, если не считать совместно прожитых лет. Пристройку, где обосновались Сидоровы, в народе красиво называли флигелем – новым словом в суровом северном крае.

С некоторых пор флигель стал центром культурной жизни городка, в котором не было даже кинотеатра. Сгущался вечер короткого лета, с моря несло йодом и пронизывающей сыростью, но горожане не расстраивались – все говорило о том, что день пройдет не зря. Зрители заранее занимали места на лавочках у подъездов, а в квартирах приглушали звук телевизоров, чтобы не пропустить начала «концерта».

Когда в промежутке между домами показались две возвращавшиеся из магазина фигуры, Роза Марковна встала наизготовку, как ведущая ток-шоу перед прямым эфиром: взгляд сосредоточился, а руки, сжавшиеся в кулаки, опустились на подоконник, будто на руль огромного мотоцикла.

Таймер начала представления отсчитывал последние секунды тишины.

Мужчина и подросток ни о чем не подозревали. Каждый держал по объемному пакету с продуктами, оба чему-то смеялись. Сидоров-младший, в следующем году заканчивавший школу, внешне походил на мать – такой же худой, высокий, чернявый. Сидоров-старший, соответственно, являл противоположность жене и сыну: светлые волосы безуспешно бо-

ролись с наступавшей пустыней, а роскошное брюшко через год-другой грозило избавиться от ласкательно-уменьшительного звучания. Занятые разговором, отец и сын прошли за калитку, и у стоявшей во дворе машины их накрыло знакомым голосом:

– И здрасьте вам, идет, мишигене недоделанное, паралич тебе зибен мозгес. И знаете, какой он фортель выкинул? Тут такой цорез, что балконом по темечку пошло бы за райскую благодать по сравнению с этим известием.

Острые речи направлялось на мужа, но обращалась Роза Марковна одновременно и к нему, и ко всем, кто в силу вовлечения в процесс был обязан, по ее мнению, встать на защиту поруганной добродетели. Не сразу улавливалось, кому она говорит в каждый конкретный момент, это становилось понятно позже, из контекста.

– И как вам это нравится? Когда надо, он без мыла в тухес пролезет, а сейчас посмотрите – имеет припереться до меня чистый ангел, только крылышки в другом месте. Прикинулся шлангом, выпятил свой курган над могилой павшего героя и думает, что одной уксусной физиономии на морде лица таки достаточно, чтобы собрать порванное на кусочки сердце родной жены.

Как обычно в таких случаях Роза Марковна «включила маму». Ее мама, Софья Соломоновна, недавно приезжала в гости, город помнил. Пусть о визите не сообщали в новостях, но на кухнях обсуждали до сих пор, приезд Сидоровой те-

щи стал событием городского масштаба. Недельку пообщавшись с горожанами, Софья Соломоновна в равной степени обогатила лексикон местных гопников и интеллигентов, отчего теперь их легко путали, если костюм не соответствовал заявленному статусу. Не признававшая авторитетов гопота с удивлением узнала, что наименование она получила от Одесского ГОПа – городского общества призрания. Нежданчик произвел фурор, и Софью Соломоновну неформально возвели в ранг почетного жителя, пообещав не трогать, даже если среди ночи она пройдет по улице в кольцах и золотых серьгах.

После отъезда Софьи Соломоновны поток словесных изысков Розы Марковны резко возрос и превратился в рог изобилия, будто в него вдохнули вторую жизнь, а для разгона смазали скипидаром. Сейчас в ожидании новой порции в домах открылись окна и форточки; жители квартир, что выходили окнами на другую сторону, заняли позицию на балконах и детской площадке, несколько человек подтянулось из соседнего двора.

Мужчина и подросток остановились около машины. Идти дальше не имело смысла: пока Роза Марковна не выговорится, не спасут ни бегство, ни взывание к здравому смыслу. Чувство собственного достоинства у Розы Марковны вырождалось альтернативно общепринятым понятиям и не всегда понималось даже членами семьи. Скандал на полгорода с ором и перетряхиванием семейных тайн Роза Марков-

на относилась к средствам воспитания и, как догадывались горожане, развлечения. Оба Сидоровых – старший и младший – знали, что торг или капитуляция на условиях победителя возможны не ранее, чем закончится взывающая к совести обличительная часть. И, в любом случае, пока речь не высказана до конца, дверь в дом не откроется.

Роза Марковна вещала как жрица ацтеков на пирамиде перед человеческим жертвоприношением: взгляд горел кровавадно, взвившиеся к небесам руки умоляли высшие силы обратить внимание на взывающую и посылить оградить от подлости и ничтожества тех, с кем приходится жить.

– Говорила мама, что судьба слепа, и с такой фамилией Сидорову Розу ждет тот же гембель, что Сидорову козу. И что мне было не послушать родную маму?

Тема концерта еще не вскрылась, зрители переглядывались: вечер обещал что-то новое. Обычно Сидорову-старшему доставалось за то, что испортил жизнь и похитил лучшие годы. В таком случае виновник кивал, пошатываясь, поскольку ответить внятно не мог по техническим причинам, кои вызывал одноименный с причинами спирт – его бесплатно выдавали на производстве для протирки аппаратуры. А Сидоров-младший становился объектом оральной терапии, когда утаскивал деньги, рвал одежду или где-то пропадал, вместе с телефоном отключив «сострадание к умирающей от волнения родной маме, которая все морги и больницы обзвонила». Последнее представляло не больше, чем красивую

фигуру речи, поскольку в городке они являлись единым и единственным заведением.

Сегодня старший Сидоров стоял прямо, младший выглядел достойно, и причина концерта оставалась загадкой.

– Сидоров, не делай форшмак из моих нервов, с тобой разговаривать – нужно объесться гороховой каши. Оно мне надо?

Сцена затягивалась, а смысл не прояснялся. Не выдержав, Сидоров-старший поднял лицо к окну:

– Роза, да что случилось, в конце концов?

– И этот гомик-сапиенсик спрашивает, что случилось. И кого спрашивает? Меня спрашивает, чмурик малахольный. Дыши носом, поцадрило чиканутый, клиент сотой бригады. Думает, что сделает полный рот фалов, подарит Розочке розочки, и родненькая Роза растает, как китайские носки под утюгом, и забудет, как на ее жизни сплясали коровяк. Да чтоб ты был так здоров, как делаешь мне счастье. Нет, только представьте, а лучше не представляйте: решила у машины сделать чисто и таки нахожу под сиденьем грязную резинку, и не подумайте, что от трусов. Лучше бы трусы нашла, остался бы шанс для поговорить за превратности бытия. Но этот хосэ-аркадио тихо-мирно отаврелианил там какую-то ремедию, но вознестись вслед позабыл, шлемазл задрипанный, и теперь – посмотрите на него – съежился до размеров цуцика на морозе, и это чмо лохматое имеет наглость спрашивать, что случилось.

Сын покраснел. Все же наполовину он был Сидоров, и причуды половины с фамилией Раппопорт нервировали его не меньше, чем Сидорова-старшего. Стоя плечом к плечу с отцом, он встрял в разговор:

– Мама, уймись. Может быть, папа не виноват.

К родительнице сын обращался уважительно, но на ты. В этом он тоже был больше Сидоровым, чем Раппопортом.

– Ой, я тебя умоляю, – принеслось из окна. – Пусть он такие дешевые мансы бабушке рассказывает.

– Не лезь, сынок, – тихо сказал Сидоров-старший, – мама у нас Паганини скандалов, ей не интересно, что говорят другие, ей интересно самой говорить.

У Паганини оказался отличный слух.

– Ты посмотри на него, открыл свой фирменный рот на ширину плеч. Так ты скажи, если найдешь, что сказать за этот случай, и будешь иметь, что послушать.

Сидоров-старший не отказался.

– А ты не думала, что твоя находка от старых хозяев осталась?

Зрители воодушевились и зашумели: хорошая версия, машина куплена как бывшая в употреблении, и мало ли в каком качестве ее употребляли раньше.

Поднявшийся рейтинг мужа заставил Розу Марковну грозно переставить руки на бока.

– Слушай сюда, выпускник школы номер семьдесят пять. Последний раз я там смотрела, когда ихние кинды трусили

ковры, – последовал кивок на соседскую жилую часть, – это было в понедельник, и кроме киндов, ковров и понедельника в тот день таки ничего не было. Хватит морочить мою полуспину, одень глаза на морду и думай теперь за свое светлое будущее.

Налившуюся злостью речь перебил голос Сидорова-младшего:

– Мама, перестань ругаться на папу, он вполне может быть ни при чем. Тогда ты будешь выглядеть глупо.

– Ой, я тебя прошу, – отмахнулась Роза Марковна, – не делай мне смешно.

Зрители ждали развития интриги. Серьезность обвинений давно разрушила бы любую другую семью, однако здесь главный посыл речи – «что мне за это будет?» – четко угадывался всеми. Роза Марковна привычно «делала гешефт». Каждый концерт в итоге давал ей что-то в материальном или бытовом плане. Сын исправлялся отметками и уборкой квартиры, муж – покупками вещей и походами в ресторан.

Сегодняшние обвинения вышли за рамки прежних, которые казались теперь наивными и по-детски безобидными. Среди зрителей начались споры: что Роза Марковна потребует за невероятный прокол? Раньше грозились выгнать, теперь самое время выгонять, но тогда в чем смысл закатывать сцену перед посторонними?

Сидоров-старший опустил лицо, кусание губ и играющие желваки сопровождали работу мысли.

И тут произошло невозможное. Сын-старшекласник опустил взгляд и процедил:

– Мама, хватит. Под сиденьем было мое.

В телерепортажах это называют эффектом разорвавшейся бомбы. Двор погрузился в тишину. Только на соседней улице кто-то стучал молотком, и где-то лаяла собака.

Роза Марковна сокрушенно опустила руки.

– Э-э... да? Масик, кто же знал? – Она с минуту помолчала, что явилось событием одного ряда с Тунгусским метеоритом и зарождением жизни на Земле. – Вот так, мальчик вырос, а родная мама не заметила. Одно слово – сын своего отца. Чего встали, когда на улице такой зусман, идите ужинать, жидкое стынет.

Окно захлопнулось.

Бурно обсуждая новости, зрители потянулись по домам. Сидоров-старший, прежде чем двинуться, шепнул младшему:

– Спасибо.

Сын на миг замер, глаза расчетливо сощурились.

– Сочтемся, пап. – Сидоров-младший любовно погладил блестящий борт источника конфликта. – Надеюсь, в этой тепер *моей* машине такого больше не повторится?

Микротрагедия «2020»

Он любил петь хором. Она любила летать по ночам. Однажды их взгляды встретились и судьбы слились. Он пришел со смены, она его встречала, они любили друг друга. Он был счастлив. И она была счастлива. Они не представляли жизни друг без друга.

Все изменил карантин. Они разошлись. Они оказались очень разными. Он любил петь хором. Она любила летать по ночам.

Послесловие. Сюжет навеян телевизором. Сам автор категорически не понимает, как обстоятельства могут сломать любовь, если она настоящая.

Перфекционистка

Собранная со стула и пола одежда всей охапкой отправилась в шкаф. Мусор – под диван. Веник с совком – для ускорения процесса – туда же. Впервые встретились в одной стопке книги, на которые не хватало времени. Беспорядок, царивший в комнате до звонка Алины, на глазах исчезал из картины мира вместе с планом до ночи мурыжить автореферат диссертации. Все еще кандидатской. А чуть обогнавший в возрасте брат Ярослав в свои тридцать два защитил докторскую. Уже доцент. Со дня на день станет профессором. Еще он блестящий оратор, красавчик и душа компании. Тьфу. Нельзя быть столь безупречным. Робот с телом пловца и мозгами суперкомпьютера – как жизнелюбивой Алине с таким жить? Виктор знал, убежденный трудами классиков: личностью делают не достоинства, а недостатки.

Впрочем, Алина тоже идеальна внешне и внутренне, истинная Мисс Совершенство. Любопытно: что у двух совершенств могло случиться в ночь перед свадьбой? Поссорились? Она уходит от Ярослава? Уходит к нему, к Виктору?

Мечты, мечты.

Пылесос выводил арию лесопилки, в ванной билась в припадке стиральная машина, но Виктор не слышал. В голове звучал короткий телефонный разговор – бесконечно повторяемый, закольцованный с конца в начало:

– Ты один?

– Да.

– Скоро буду.

Алина не поинтересовалась, есть ли у него кто-то сейчас. Даже не поздоровалась. Виктор не жаловался. Увидеть Алину – счастье. Увидеть после того, как брат перестал общаться, не удостоив даже приглашением на свадьбу, – больше, чем счастье. Нечто выше. Названия чему еще не придумали.

«Ты один? – Да. – Скоро буду». Ух. Нет слов.

Алина была идеальна от золотой (в смысле цвета и сообразительности) головы до кончиков ногтей. Мучимая в спортзале фигура заставляла прохожих оглядываться, а дразнящая походка – спотыкаться. Вопреки расхожему мнению, ум природной блондинки соответствовал красоте, а мысли, что высказывались редко, но метко, – влекущим обводам. Васильковые глаза поражали глубиной, затагивали в омут чувственности, а там утопшего добивало веслом интеллекта.

Сначала пришедшая после университета ассистентка работала с Виктором. Он боролся за внимание, ухаживал, уламывал, умолял... Не получилось. Они были разными: Виктор жил настоящим, Алина – мечтами. Она с детства ждала идеала. Идеал нашелся. Обидно – Виктор сам их познакомил, хотелось произвести на девушку впечатление достойным братом. Получилось. Ярослав забрал сногшибательную сотрудницу на свою кафедру. Через пару месяцев Алина переехала к Ярославу.

С тех пор прошел год. Виктор не женился. Даже подружку не завел. Не мог. Болезнь «Алина» сковала мысли и желания. Чутьочку полегчало, когда объявили о помолвке.

Алина и Ярослав – чудесная пара. Про таких говорят – перфекционисты. У них все по высшему разряду, все как надо – слова, действия, планы. Будущих племянников уже жалко, их с пеленок будут пичкать самым лучшим и дорогим – от марки памперсов до учебного заведения, которое подберут задолго до получения аттестата.

Брат не сомневался, что Алину с Виктором связывала не только работа. Смешно, но Виктор полжизни отдал бы за то, чтобы это было правдой. В бытность ассистенткой Виктора Алина, соглашаясь на походы в кафе и в кино, не допускала даже поцелуев. Ярослава, к сожалению, разуверить не удалось, и между братьями будто черная кошка пробежала.

Звонок в дверь заставил вздрогнуть, взгляд на часы – усомниться. Откуда бы Алина ни добиралась – слишком быстро. Может, не она? Уборка только вышла на финишную прямую, Виктор не успел привести в порядок ни комнату, ни себя. Как был, в халате поверх голого тела, он прошлепал к двери. В зеркале прихожей мелькнул мутный двойник, ступни ощутили грязь коврика. Виктор приник к глазку.

С той стороны глядели необычайно светлые глаза с поволокой. Алина. Напряженное лицо, решительный взгляд, прикушенные губы... Ниже – скромное декольте над нескромным содержанием и теребящие сумочку нервные пальцы.

Безукоризненную фигуру обтягивало красное, до пят, вечернее платье. Голову венчала необычная прическа. Сказочная принцесса явилась на бал покорять принца.

Покорять не требовалось. Виктор бездумно отпер, только тогда сообразив, что голые ноги и стянутый пояском единственный предмет одежды как бы намекают...

Щеки бросило в жар.

– Не ждал так рано. – Извиняющимся жестом он указал в комнату, оккупированную пылесосом. – Проходи, я переоденусь.

Алина протиснулась мимо него, Виктор закрыл дверь и шагнул в сторону ванной. Пытался шагнуть. Девичьи руки перехватили его за плечи и обернули к себе.

– Я ненадолго, такси ждет. Ты один?

Виктор тупо кивнул. На большее не хватило сил. Смысл, тон и взгляд подразумевали...

Но это невозможно!

– Никто не должен прийти? – упал следующий вопрос.

Виктор отрицательно помотал головой.

Они стояли во тьме прихожей. Ни один из них не захотел включить свет. Ни один не шелохнулся. Только взгляды – застрывшие друг на друге, неотрывные, пронзительные. Только полыхавшее во взглядах безумие. Сумочка Алины тихо опустилась на пол. У Виктора поплыло перед глазами, дыхание перехватило, сердце забилося в режиме боевой тревоги, что пахла блаженством и неприятностями. И пусть грозят

неприятности. Пусть мир летит к чертям. Взлетевшие руки сами собой оплели гостью. Прижали. Замерли. Лицо зарылось в щекочущие волосы.

Ответные объятия сомкнулись на его шее. Это было невозможно, но было.

Ни о чем не хотелось думать, но как не думать? Что-то же случилось, если в ночь перед свадьбой...

– Ты уверена? – спросил он для очистки совести.

Алина кивнула. Она всегда знала, что и зачем делала. Если что-то происходит – риски оценены, плюсы-минусы сведены в сальдо, итог признан рентабельным.

Впитанная телом фигурка высвободилась, на ладонь Виктора лег квадратик из фольги, где прощупывалось мягкое кольцо.

Не то чтобы Виктор настолько любил Ярослава, но Алина – девушка брата. Завтра может стать женой. Что-то явно произошло.

– Почему ты здесь? – глухо спросил он.

– Мне это нужно.

– Он изменил тебе? Хочешь отомстить?

– Глупости. Если бы изменил, я уже ехала бы к родителям. Ярик не может изменить. Он... Да что же такое, что мы, вообще, обсуждаем? Говорю же, машина ждет. Нужно успеть, пока меня не хватились.

– Девичник?

– Да.

– А Ярослав?

– У него мальчишник. Не теряй время.

Нежные пальцы развязали пояс на халате Виктора.

Слова больше не требовались. Сумбурно произошли два одновременных процесса: пока вынудое из фольги раскатывалось, подхваченное снизу платье в противофазе взмывало к пояснице. Алина повернулась спиной. Одной ладонью она уперлась в дверь, второй придерживала платье, собранное выше талии. Открылось ничем не прикрытое чудо, о котором грезилось, но о реальности которого даже не мечталось.

– Девичник... – Организм требовал погружения в счастье, но Виктор медлил. – Завтрашняя свадьба не под сомнением?

– Сплюнь. Это мечта жизни, и она осуществится, даже если Луна упадет на Землю – если не прямо на голову. – Алина нетерпеливо взбрыкнула серединой. – И если ты сейчас же не начнешь...

Виктор не узнал, что будет в противном случае. Он «начал».

Тела дернулись, пробил сладкий электрический разряд. Словно открылись врата в мир, где время и чувства живут по другим законам. «Она совершенна», – витало в оставшейся вмняемой части мозга.

А сам Виктор? Бледная тень брата, недокандидат наук, вместо денег и признания к тридцати годам заработавший только сутулость и осень на голове. Почему же Алина сейчас здесь, с ним?

– Вы поругались?

– С Яриком нельзя поругаться. – Алина впитывала удары, как пляж океанские волны, уложенная прическа приказала долго жить, витые пряди свалились и размеренно колыхались. – Он понимает с полувзгляда, чувствует состояние, мысли и желания. Я купаюсь в неге и восхищении. В целом мире мне нужен только он один. Мой Ярослав.

– Если он настолько идеален...

– Он почти идеален, – поправила Алина.

– Почти?

– Поэтому я здесь.

– Проблемы в постели?

Если Алина пришла за добавкой или новым опытом... Чего же не давал Ярослав – нежности? Жесткости? Длительности? Размера? Буйства фантазии? Разнузданности и наплевательского отношения к чувствам партнера или, наоборот, мазохистской покорности?

– В постели он ангел. – Обернувшись, насколько позволила анатомия, Алина закатила глаза – не от ощущений, что обидно, а от воспоминаний. – И бес. По очереди и одновременно. Когда мы вместе, я улетаю в космос, я кричу и реву, я рву простыни и царапаю мебель. Он единственный, кого я хочу, и быть с ним – единственное, о чем мечтаю.

– Значит, быт заел? – догадался Виктор.

Думал, что догадался.

– Ярик бросается на помощь, едва увидит, что я за что-то

взялась. Когда отгоняю – настаивает, ходит кругами, грозит нанять домработницу. А мне не нужно! Есть обязанности сугубо женские, которые нельзя доверить мужчине. Вот это, – она пошевелила разносимым вдрызг богатством, в котором с боков увязли пальцы Виктора, – со временем меняется не в лучшую сторону, красота блекнет, а женщине нужно оставаться для мужчины необходимой. Чтобы он не представлял жизни без моего присутствия рядом. Я воюю с Яриком за право делать по дому как можно больше, но когда мы чем-то занимаемся вместе... это лучшие часы жизни.

– Тогда ничего не понимаю.

Алина отвернула лицо, ее поза проиллюстрировала оставшееся произнесенным: «И не надо».

Разговоры разговорами, а движения не прерывались. Партнерша стойчески выносила любовь не того, чью идеальность декларировала. Может, не настолько брат идеален? Не зря Ярослав ревновал к Виктору. Будто предвидел. На последней встрече он высказал с пренебрежением: «Посмотри на имена. Алина и Ярослав. Тем, что находится между А и Я, можно описать все, внутри заключена Вселенная. Между вашими А и В – только Б». Сказанное выглядело плевром в душу, но Ярослав, как всегда, был прав.

– Ты же любишь его. – Ощущения заставляли сердце Виктора биться люстрой об пол, и только разговоры сбивали накал. – Любишь так, что при выборе «он или все остальное» даже не задумаешься. Почему же?

– Потому что он – единственное, что есть, что было и что будет. Ради него все отдам, на все пойду. Он – мои потрясающие восходы и до изнеможения сладкие закаты. Безоблачные дни, не повторяющие друг друга, и «ночи, полные огня». Мой редкий лед и частый жар. Обнимать его – держать в руках весь мир. Любить Ярика – это обрести смысл жизни.

Приторные фразы пролетали мимо ушей, Алина говорила искренне, но говорила не о том.

– Ревнует к каждому столбу? – шумно дыша, выпихнул из горла Виктор.

– Никогда. Я не даю повода.

Это так. Проще экскаватор заставить летать, чем раскрутить Алину на маленькое удовольствие. Тем непостижимее происходящее. Но больше не хотелось ни говорить, ни думать – только чувствовать. Только двигаться. Только наслаждаться моментом. Виктор ушел в ощущения, с головой окунулся в их вкус, цвет и аромат, утонул в них... Цепная реакция снесла последние барьеры, прихожую сотрясло рычание, перешедшее в вой дикого опустошения.

Виктора с силой отпихнуло, Алина распрямилась освобожденной пружиной.

– Мне пора.

– Когда? – спросил он. – Когда увидимся еще раз?

– Никогда. Я приходила из-за Ярика. – Алина умолкла на миг, вести беседу и одновременно изворачиваться всем телом, возвращая обтягивающую ткань на место, оказалось

сложно. – Он не верил, что у нас с тобой ничего не было.

Виктор включил свет, чтобы Алина привела себя в порядок.

– Спасибо. – Она сосредоточенно покрутилась перед зеркалом и достала расческу. – Ярик всегда просчитывает на сто шагов вперед. Он знает все. Не было случая, чтобы он был неправ. – Вернув прическе приемлемый вид, Алина огладила платье и еще раз придирчиво оглядела себя. – Ярик не переживет, если поколебать эту уверенность. Факт, что между мной и тобой ничего не было, означал, что мой мужчина ошибся. Если ошибся в одном – есть вероятность, что ошибается в прочем. Мироздание рухнет и погребет Ярика под обломками. Он не сможет быть прежним. Начнет сомневаться во всем. Станет как все. – Виктора коснулся прощальный поцелуй в щеку. – Я не могла этого допустить.

Дверь открылась, Алина сказочным видением выпорхнула наружу. Уже на площадке она обернулась и закончила со счастливой улыбкой:

– Теперь он идеален.

Девиз Деда Мороза

Суставы предсказывали погоду лучше умников из телевизора, дружба с тростью давно представлялась ногам разумной идеей, а душа по-прежнему мечтала о чуде. Увы, сидящая голова знала, что чудес не бывает. Затянувшееся ожидание начала чего-то светлого неотвратимо превращалось в ожидание конца. Кого выбрала моя Лялечка, девица-краса, на которую заглядывались лучшие люди города? Непутевого Гришку-Исусика, подвинутого на религии. Я возражала, даже не пришла на свадьбу. С тех пор дочка и зять живут отдельно, в далеком городишке, куда Гришку отправило служить церковное начальство. Рождение внучки ничего не изменило. Я ждала, что Лялечка одумается, вернется, и у нас начнется нормальная жизнь, но... «Религия – опиум для народа». Засосало по самое не балуй.

Лялечка устроилась воспитателем в детский сад, я следила за ней и внучкой издалека. Так прошло долгих восемнадцать лет. Когда Лялечки не стало – сказались последствия тяжелых родов – я работала в составе ООНовской делегации, металась между Женевой и Нью-Йорком с судьбоносными для планеты проблемами. Приехать на похороны не получилось, иначе карьера полетела бы к чертям. Но она и так полетела, спровадили меня на пенсию, едва позволил возраст. А что делать на пенсии? Кошку завести и цветы разводить?

Не мое это. Думаю: надо Варьку из захолустно-ритуальных дебрей изымать, пока наш святоша ее в монашки не определил. Мне правнуков увидеть хочется. Не сейчас, конечно, а в принципе.

Новый Год – идеальная дата. В полдень тридцать первого декабря я выехала в аэропорт из пораженной предпраздничной лихорадкой столицы. Подарки, каких сроду не видавали в обреченном на штурм захудалом городишке, заполнили несколько сумок. Неподъемный хамон-иберико (с таким окороком в руках даже самый плюгавый Давид любому Гераклу Голиафом покажется), гигантская «таблетка» пармеджано-реджано (твердого, как камень, и тающего на языке с искрящимся хрустом, не передаваемым словами и не поддающимся подделке), баварские колбасы (ароматные, манящие, взятые списком, без разбору)... В самолете соседом оказался основательно наотмечавшийся Дед Мороз в украшенном снежинками тулупе и шапке, с накладной бородой.

– В Новогоднее чудо веришь? – дыхнуло мне в лицо кислым перегаром.

– Не суеверная.

– Верующая?

Перед внутренним взором возник «отец Григорий», отобравший у меня дочь. Я перестала играть в равнодушие, голос лязгнул металлом:

– Наоборот.

– Все во что-то верят. Не в Бога, так в экстрасенсов, в

деньги, в генеральную линию партии...

– Я верю в себя.

– Значит, все же верующая. – Подведя странный итог, Дед Мороз глянул в иллюминатор, в завьюженную ночную темень, и сладко зевнул. Казалось, что разговор окончен, но сосед вновь обернулся ко мне. – Тогда верь в одно: что кажется концом – это начало. Запомнила? Если не поняла, к чему я это сказал – значит, время не пришло. Придет – поймешь.

Он заснул, больше мы не разговаривали.

Аэропорт «деревни Гадюкино», как я окрестила для себя местопребывание внучки, состоял из похожего на сарай длинного здания, уходившей в тайгу взлетной полосы и нескольких построек с цистернами. Прохватило морозцем, ресницы покрылись инеем. За час до Нового Года вызвать такси оказалось невозможным, все нормальные люди сидели за накрытыми столами – на работе, как, например, начальник аэропорта, или дома, как большинство, и уже несколько часов отмечали наступающий праздник. Ненормальные водители в состоянии самолетного Деда Мороза меня не устраивали, как и провонявший чадом и бытом автобус, куда безропотно загрузились остальные пассажиры. К счастью, предложенная начальнику аэропорта сумма оказала волшебное действие. Мобилизовались местные связи, и через десять минут к выходу подкатила пожарная машина.

– Случится вызов – поедете с нами, – при посадке уведо-

мил пожарник.

Почему-то мне это понравилось. Приятно, что для кого-то деньги – не главное. Надеюсь, если что-то произойдет, ко мне поедут именно такие пожарник, врач или полицейский.

Вызова не случилось, до нужного подъезда меня доставили за двадцать минут до боя курантов.

Кнопки звонка не было. Обитая дерматином дверь отворилась на стук.

– Лидия Ле...

– Где Варенька? – грозно перебила я зятя.

– В своей комнате. Варя, бабушка Лида приехала! Проходите, Лидия Леопольдовна, вещи я занесу.

Зять сильно сдал за прошедшие годы, жиденькая борода местами посеребрилась, длинная шевелюра обрамляла залысины как колоннады тосканского ордена площадь святого Петра в Ватикане. Гриша бросился таскать сумки, я прошла внутрь. После переливов уличного многоцветья квартира выглядела серо и уныло, пахло сыростью и тушеной капустой. Поразило: в квартире не было елки! Не было ничего, что намекало на праздник. Запыхавшийся Гриша заметил мое недоумение:

– Мы не празднуем Новый Год.

Вопрос «Почему?» не успел вылететь, я вспомнила: до Рождества верующие постятся. Совсем мне здесь внучку испортят.

– Почему Варя не выходит? – Я сняла шубу, зять услуж-

ливо подставил к ногам розовые пушистые тапочки – единственное яркое пятно в доме.

– Спала, одевается. Вы, Лидия Леопольдовна, с ней бережнее, пожалуйста. У нее беда.

– Что случилось?!

Зятек понизил голос, хотя по громкости тот и прежде составлял едва ли одну десятую от моего:

– Варя с мальчиком дружит, они поссорились. Как обычно в таком возрасте, она думает, что их размолвка навсегда.

«Конец – это начало», – пришлось к месту слова Деда Мороза.

Девочка страдает, но, по большому счету, новость хорошая. Мальчик – это замечательно. Не монашкой девочка растет.

Я вошла в комнату Вареньки.

Внучка натягивала спортивный костюм – видимо, привычную домашнюю одежду. На меня смотрела Лялечка, какой я ее помнила, только у Вареньки лицо было серьезнее, и в глазах пряталось что-то такое... масштабное, что ли. Будто смотришь на Вселенную, а она вглядывается в ответ.

– Здравствуйте, бабушка Лида.

– Говорят, у тебя с мальчиком что-то разладилось? – взяла я быка за рога. – Первая ссора?

– Последняя!!!

Падение на кровать с обниманием подушки. Рыдания. Истерика.

Не люблю.

Иногда и самой хочется, но не сдаюсь обстоятельствам и другим спуску не даю, особенно близким. Это не я не прощаю слабости, это жизнь не прощает. Выживает сильнейший.

Жизнь научила, что учат не слова, а личный пример. Любые мои нотации обратятся против меня, стоит Вареньке спросить: «А чего ты сама достигла со своими убеждениями?» И она будет права. На одной стороне весов – квартира в столице, невероятные связи и деньги, на другой – выворачивающее душу одиночество. И чем полнее первая чаша...

– Иди сюда. – Я опустилась на кровать рядом с внучкой и обняла ее. – Поверь, у тебя все только начинается. То, что кажется концом, всегда оказывается началом. Когда ждешь чего-то очень сильно, оно происходит, но не так, как нам думалось. Но все-таки – к счастью или к сожалению – происходит. Расскажу одну историю. Летосчисление наших предков начиналось от сотворения мира. Когда наступил семитысячный год, люди ждали конца света. Круглые даты почему-то всех пугают, я помню, какой переполох случился в двухтысячном по нашему календарю. Тоже ждали конца света и Апокалипсиса – вселенского, климатического или техногенного. А теперь представь, что творилось пять веков назад при тогдашнем уровне сознания. Люди оставляли жилье и семьи и уходили в леса, чтобы там, в раскаянии и молитве, покинуть менявшийся мир достойно. Конец света все пони-

мали по-своему, но в одном сходились – известный мир будет уничтожен, поскольку исчезнут его добродетели: честь, совесть, милосердие, доброта, любовь к ближнему... – Я сделала паузу, чтобы сказанное уложилось у Вареньки в голове. – Пришел новый год, и ничего, как все подумали, не случилось.

– А что случилось по-настоящему? – заинтересовалась внучка. – Конец света наступил, но его не заметили?

Требовалось отвлечь ее от горестных мыслей, и у меня все получилось. Я поздравила себя с успехом.

– Семитысячный год от сотворения мира – это одна тысяча четыреста девяносто второй год по нынешнему календарю. Православный народ с облегчением выдохнул и, в ликовании, что пронесло, занялся привычными делами. А в то самое время на другом краю мира Колумб открыл Америку.

Варенька вытерла слезы, сквозь них проступила печальная улыбка:

– Не очень удачный пример. Не позитивный.

– Повторюсь: то, что кажется концом, всегда оказывается началом, и когда ждешь чего-то очень сильно, оно происходит, но не так, как нам думалось. Хочу сказать, что ожидание хорошего или плохого приводит именно к хорошему или плохому. Не строй отдельные планы, строй жизнь целиком. Ожидай только хорошее.

– А чего ждешь от жизни ты, бабушка Лида?

– Чтобы мы с тобой жили вместе. Хочу понянчить пра-

внуков. Мне недолго осталось.

– Бабушка, минуту назад ты меня сама убеждала: конец – это начало.

– Я говорю о смерти.

– Я тоже.

Варенька улыбалась. Да, семнадцать лет религиозного воспитания одним коротким разговором не вытравишь.

– Я приехала за тобой, – честно сказала я. – Думала отпраздновать вместе Новый Год...

– Бабушка, оставайся у нас до Рождества. Отпразднуем. То есть...

– Ты не хочешь ехать со мной? – Под сердце словно ядовитая змея проскользнула. – Ты не представляешь удовольствия от жизни в столице! Ты вообще ничего не знаешь о жизни, у вас же, по-моему, и телевизора нет!

– У меня есть телефон с интернетом. Бабушка, я не могу уехать, даже если бы захотела. Папу нельзя оставить одного.

– Наоборот, без тебя ему проще найти другую жену, он еще молодой.

– Священники не женятся второй раз.

У меня внезапно кончились аргументы. Что еще сказать внучке, как убедить? Увезти силой? Ей не пять лет. К тому же, угрозами любви не добиться. Увезти для того, чтобы в столице, как мне в свое время, Вареньке разбил сердце какой-нибудь лощеный хмырь?

– Бабушка, оставайся у нас.

Глаза Вареньки осветились надеждой.

Несмотря на детскую наивность и глупость предложенного, ранее невообразимого мной в самом страшном сне... почему, собственно, нет? Что и кто ждет меня дома? Муж сбегал, не дождавшись даже рождения дочери, родители умерли, братьев и сестер нет, других детей я не завела, так как они сломали бы карьеру. Дальние родственники ждут не дождутся, когда копыта откину, чтобы наследство поделить – знают, что с внучкой отношений не поддерживаю.

А что мне делать здесь, в глуши, где одна моя шуба дороже градообразующего предприятия?

А что делать дома одной? Здесь моя кровь. Мое будущее. Моя семья. В конце концов, девиз сегодняшнего дня – «конец – это начало».

Варенька воспользовалась заминкой.

– Папа! – взвилась она с постели. – Можно бабушка поживет у нас?

– До Рождества, – втиснула я. – Чтобы продукты не пропали. Надо отпраздновать встречу по-человечески.

Невероятно, но, приехав со скандалом вырвать ребенка из рук непонимающего реальной жизни фанатика, я согласилась по-родственному погостить у него. Как меня заставили?! Никто и никогда не принудил бы меня сделать то, чего я делать не собиралась. Так мне и остаться предложат, и что же, тоже соглашаться?!

А может быть, втайне от себя, я ждала чего-то похожего?

Внучка у меня чудесная, зять тоже вроде бы зла не таит за мое к нему отношение...

Если быть честной, то это я ему жизнь отравляла, а не он мне. С ним Лялечка была счастлива, я же дочку месяцами не видела из-за всепоглощающей работы, которая на тот момент казалась главным делом жизни. Вот, правильное слово: «казалось». Народ говорит: когда кажется – креститься надо. Жизнь показала, что главное – не в комфорте, не в развлечениях и не в карьере. Главное – то, без чего нельзя жить, но чего не купишь.

«Конец – это начало». Неужели ряженный новогодний волшебник был прав?

– Лидия Леопольдовна... – В приоткрывшейся двери Гриша запнулся, на меня поднялся его смущенный взгляд: – Мама... оставайтесь у нас, это и ваш дом. Я давно хотел предложить, но не решался. Места хватит всем. У нас здесь такая природа и такие люди... Вам понравится. А сейчас мы стол накроем, встретим Новый Год вместе. Варя, разогревай капусту, режь салат!

Дверь вздрогнула от стука, на кухне звякнула посуда. С лестничной площадки донеслось громогласно:

– Открывай ворота, праздник на пороге!

Гриша умчался открывать.

В проеме возник Дед Мороз из самолета. Халат – нараспашку, взор – осоловелый и чуточку расфокусированный. Видно, что работа в самом разгаре.

– Т...тринадцатая квартира?

– Двенадцатая.

– Пардоньте, не туда попалыч.

– Туда, туда. Одну секунду. – Я схватила напоминавший Геркулесову дубину окорок и всучила судьбоносному гостю: – Это вам. Спасибо.

– Так ведь на дворе пост, матушка.

Ватная борода Деда Мороза не позволяла увидеть улыбку. Шутит?

Шутит, глаза переполнены лукавством. А взгляд и поза – как в былые годы у «продавцов полосатых палочек» на трассе, после чего обычно звучало: «Может, договоримся?»

Договоримся.

– Тогда отдайте вашим ездовым собакам, – объявила я. – У них-то, надеюсь, не пост?

– Обижаете, я настоящий Дед Мороз, у меня в упряжке кони.

Я выглянула в подмороженное окно. У подъезда чадил облаком выхлопов аэропортовский ПАЗик, такие же белые клубы вырывались через опущенное стекло из салона, где курил ожидавший водитель.

– Вот с конями и поделитесь, – сказала я. Рядом стояли Гриша и Варенька. Я вдруг почувствовала себя абсолютно счастливой. – Хорошего вам Нового Года... и Рождества.

– Спасибо. И вам. – Прижав к себе окорок как новорожденное дитя, довольный Дед Мороз пьяно подмигнул: – «Ко-

нец – это начало». Волшебная фраза. Всем говорю по любому поводу, и, представьте, всегда срабатывает!

Главное птичье правило

Басня

Мальчики и девочки любили птичек. Птички красиво пе-ли, это приносило людям радость. Еще птички уничтожали насекомых-вредителей, это приносило пользу. Чтобы радо-сти и пользы в мире стало больше, мальчики и девочки сде-лали скворечники. А один мальчик не сделал.

– Епифан, – спросили его, – почему ты не сделал сквореч-ник?

– Потому что вы все дураки и бациллы! – ответил Епи-фан, которому было очень стыдно, что он не умеет делать скворечники, но ему очень хотелось в компанию. – Вы ниче-го не понимаете ни в птичках, ни в скворечниках. Вы даже не знаете, как они устроены. Если меня сильно попросить, я расскажу, как правильно делать скворечники, но вы должны очень-очень сильно попросить, иначе я не раскрою главного птичьего правила.

Ему очень хотелось выглядеть самым умным и самым важным. Но не делать же для этого, в самом деле, сквореч-ник?

Кто-то из ребят спорил с Епифаном, остальные просто ждали, когда в кружке юных любителей природы объявят, наконец, чей скворечник лучше. Тогда другие посмотрят, как делать правильно, и будут на него равняться. Сейчас у

одних получалось чуточку лучше, у других – чуточку хуже, но все старались, потому что знали – каждый следующий скворечник будет лучше предыдущего, и всем от этого будет радость и польза.

«Глупые и наивные», – думал о них Епифан. Он знал правду, но он ее никому не расскажет. Как бы ни просили. Ну как такое рассказать? Однажды ему на голову накакала птичка. Смачно так накакала, до глубины души. Епифан залез на дерево, сломал скворечник и убил птичку. Теперь он точно знал, как устроен скворечник, и как устроена птичка. И еще он вывел для себя главное птичье правило. Очень простое. Хочешь, чтобы люди обратили на тебя внимание – накакай им на голову.

Любить значит верить

То, чего ждали шесть лет, стало возможно. А вместо счастья...

Капельница, датчики, провода. Недавно Виктория завидовала Родиону, теперь они поменялись местами. Ирония судьбы. Вернее, гримаса.

Дверь в палату приотворилась.

– Виктория Владимировна? – донесся шепот медсестры. – Вас вызывают.

– Врач?

– Посетитель, по внутреннему телефону.

Выходя, Виктория механически поправила одеяло на недвижимом теле мужа.

В голове не укладывалось. Родиона сбила машина. Виновник скрылся. Врачи сказали, что ничего серьезного, но муж еще неделю проведет без сознания. А судьбоносной новостью она с ним так и не поделилась...

У стойки дежурной ждала снятая трубка.

– Вы меня не знаете. – Голос был незнакомый, звонкий, однозначно женский. Скорее, девичий. – Нужно поговорить. Я внизу.

Ответить Виктория не успела, в трубке раздались гудки. Что ж, нужно – значит, нужно. Виктория допускала, что однажды такой разговор состоится. В держатель телефонного

аппарата трубка попала с третьего раза, второй рукой пришлось ухватиться за стойку и подождать несколько секунд.

Лифт долго не подходил. Мысли разбежались, и даже номер этажа внес сумятицу. Шестой. Цифра шесть в последнее время преследовала. Родион на шесть лет старше, шесть лет прошло после свадьбы, и шесть лет у них нет детей, о которых мечтают. И шесть лет, как Виктория лечится.

Теперь можно говорить в прошедшем времени, ей удалось выстоять и победить. Диагноз казался фатальным – острый лейкоз. Мучительные курсы химиотерапии, трансплантация костного мозга... Стойкой ремиссии добились ценой, которой не вспомнить без дрожи. Самое страшное в прошлом. Тридцать один – разве возраст? Совсем девчонка, сказали врачи, все впереди. Можно рожать. С этим известием она ждала мужа, когда позвонили из больницы.

Второй день Виктория не отходила от Родиона, спала прямо в палате.

Их роман длился долго. Познакомились случайно, на вечеринке, где собрались две компании – картежники-преферансисты и любители йоги. Родион был из первых, Виктория пришла со вторыми, хотя к их числу не принадлежала. Ушли вместе. Свадьбу играли, несмотря на ужасный диагноз. Родион верил в успех. Во всеилие любви. И любовь действительно спасла.

Пока Виктория лечилась, Родион успешно делал карьеру. Из бригадира на заводе он стал мастером, постепенно дорос

до начальника цеха. Большой оклад пришелся кстати: ипотека и лечение отнимали много денег. Квартиру, в расчете на будущего ребенка, они взяли двухкомнатную.

Взросшая нагрузка приводила к усталости, Родион стал дерганым, вечно недовольным. Когда в цех распределили студентов на практику, вся ответственность, естественно, упала на руководителя. Родион задерживался, приходил измотанный, а по-женски утешить не получалось, сказывались вызванные лечением ограничения.

Решением стало прежнее хобби Родиона. Собрался новый кружок преферансистов, настроение мужа поднялось, в глаза вернулся былой блеск.

Однажды Виктория уловила женский запах. Душа обратилась в стекло, в голове впервые вспыхнуло слово «любовница».

Родион посмеялся над ее страхами.

– Играем на квартире у приятеля, это «привет» от его девушки. Перебарщивает с духами, совсем нет чувства меры.

Виктория кивнула. Пусть Родион думает, что она поверила. Жизненная мудрость говорит, что верить нужно в лучшее, а готовиться к худшему. С тех пор часто представлялось, как произойдет встреча с тайной страстью, существование которой муж отрицал. Отрицает – значит...

Ничего не значит. Вариантов было два: любовница либо есть, либо нет. Во втором случае вариантов тоже два. Первый: измена произошла случайно. Понятно, что случайно

оказаться с кем-то в постели невозможно, но обстоятельства бывают разные, и такую «случайность», скрепя сердце, можно как-то принять и даже простить. Ну, постараться простить, если дорожишь любимым человеком. Виктория дорожила. Разовую «подружку», если вдруг встретится на пути, нужно высокомерно игнорировать, чтобы знала свое место.

Второе: Родион влюбился. Здесь тоже два развития событий. В одном муж не хочет рушить семью, в другом наоборот. Если хочет «переболеть» втихую, чтобы Виктория ни о чем не узнала, следует подыграть. Влюбленность пройдет, и однажды, через много лет, они вместе горько посмеются над прошлым. Если же мужчина хочет уйти из семьи, он уйдет, ничто не удержит. Это худший вариант, о нем стоит помнить, но к реальности он отношения не имел, Родион уходить не собирался. Они с мужем тратили общие деньги на лечение, чтобы завести ребенка, и на жилье, в котором его растить. Если гостья на что-то претендует, то отправится восвояси несолоно хлебавши. Виктория еще поборется за собственное счастье.

Страшная мысль настигла на выходе из лифта, по спине пробежала холодная капля. А если незнакомка беременна от Родиона? Что делать в таком случае, Виктория не представляла.

Позвонившая девушка бродила по вестибюлю, разглядывая стенды. Полная противоположность Виктории во всем, словно специально подбирали: вместо худобы – приятная во

всех местах пышность, вместо короткой стрижки – водопад блестящих локонов до поясницы, вместо страха и усталости, которых не могло скрыть лицо, – жажда жизни и категорическое неверие в существование компромиссов. Против бледности – чудесный загар. Выглядывавшие из-под белого халата джинсы и мешковатый свитер Виктории казались уродством рядом с обтягивающим платьем красавицы. На вид девице было лет двадцать. В руках – маленькая дорогая сумочка.

У Виктории отнялся язык. Заготовленная речь улетучилась, осталась пустота.

Они шагнули навстречу друг другу.

– Меня зовут Инга. – Викторию смерил оценивающий взгляд. – В отделение пускают только близких, вас долго не было, а я устала ждать. Нужно поговорить.

Викторию качнуло: нос уловил запах. Тот самый.

– Вы любовница Родиона? – прямо спросила она.

В глазах плыло, щеки дрожали. Пришлось опереться о стенку.

Инга фыркнула:

– Еще чего.

Слишком наигранно фыркнула.

И запах не давал покоя. Это паранойя, или собеседница врет?

– Я действую не от своего имени, я посланница. Надеюсь, вы не хотите, чтобы с вашим мужем повторилось нечто по-

добное? – Взгляд Инги взлетел вверх, где за пятью потолка-ми лежал под капельницами Родион.

– Его сбили намеренно?! – Виктория шумно задышала, рука машинально потянулась за телефоном...

Сумочка осталась в палате. Инга заметила движение.

– Хотите вызывать полицию? Сначала выслушайте, и если решите звонить – ваше право. Вы заметили, что в последнее время Родион изменился?

Еще как. Мысли мужа витали непонятно где, взгляд отсутствовал или быстро отводился. Отсюда возникли подозрения про любовницу.

– Родион сильно проигрался, – сообщила Инга.

Виктория выдавила улыбку:

– Информация любопытная, но неверная. Он никогда не играет на интерес.

– Точнее, никогда не говорил вам об этом. – Собеседница равнодушно пожала плечами. – С друзьями ставки были копеечными, а недавно он играл с новыми партнерами. Везло. Родион вошел в азарт и не смог остановиться. Особых ценностей ни у него, ни у вас нет, жилье кредитное, зарплата расписана на месяцы вперед. Он поставил вас.

Виктория споткнулась на ровном больничном кафеле.

– Не беспокойтесь, не в криминальном смысле. Играли не на жизнь. – Инга взяла Викторию под руку и медленно повела вдоль белых стен коридора. – Ставку приняли. В случае выигрыша ваши материальные проблемы остались бы про-

шлом. – Инга на миг сочувственно поджала губы. – Ему не повезло. Последние дни ваш муж был не в себе, потому что срок поджимал. Родион затягивал дело, выдумывал причины, доказывал, что сейчас с вами поговорить не может, что у вас какое-то лечение. Но карточный долг свят. Время вышло. Родион собирал деньги, чтобы откупиться, поспрашивайте его друзей – он всем должен. Не вышло, на частичную оплату кредиторы не согласились. Наезд автомобиля – последнее предупреждение.

– Откуда это знаете вы?!

Инга досадливо скривилась и оглянулась по сторонам.

– Потише, пожалуйста. Играли у меня дома. Я свидетельница всего, что произошло, от первого слова до последнего.

– Вы знаете всех, вы можете помочь... – у потерявшейся в мыслях, оглушенной новостью Викторией забрезжила надежда.

– Нет, – отрезала Инга. – В мужские дела я не вмешиваюсь. И вам не советую. Что для нас разговоры, для них – жизнь и смерть. Мне кажется, вы не до конца осознаете серьезность положения.

Не до конца?! Родион лежит безвольной сломанной куклой, Викторию собираются подложить кому-то в качестве приза...

Мозг бешено искал решение.

– У кого на руках расписка мужа?

– Дешевого кино насмотрелись? – усмехнулась Инга. –

Слово при свидетелях и есть расписка. Сейчас жизнь Родиона висит на волоске. Обратитесь в полицию – там только посмеются. Или решат, что вы намеренно подставляете мужа. В органах хорошо знают нравы картежников. Ситуация зависла, и меня, как человека незаинтересованного, направили к вам рассказать, что произошло, и объяснить, как решить проблему с минимальными для всех потерями.

Вспомнив о ставке Родиона, каждая клеточка Виктории прочувствовала упомянутые «минимальные потери».

– Почему выигравшие не пришли сами?

– Посмотрите на себя. На вас лица нет, руки дрожат, в любой момент сорветесь. Пришла именно я, чтобы вы не натворили глупостей. Один неверный шаг, и жалеть придется о многом. Успокойтесь. Думаете, я не понимаю, что вы чувствуете?

– Не понимаете.

– Зря. Меня тоже ставили.

У Виктории перехватило дыхание. Вспомнился запах. И сытая усталость мужа.

– Родион был в числе выигравших?

– Моему парню повезло больше, он отыгрался.

В конце коридора Виктория с Ингой развернулись и так же медленно двинулись обратно.

– Теперь вы знаете все, решение за вами. Можете вызвать полицию. Я буду все отрицать. И другие будут, если их найдут. И сбивший водитель, когда и если отыщется. Полиция

получит цепочку несвязанных фактов. Преступления нет, и даже потом, когда «случайность» повторится с Родионом в более страшном виде, произойдет именно случайность. У всех участников окажется несокрушимое алиби. Вспомните фильмы и сериалы про криминал, эта часть жизни там нарисована достоверно. Все еще хотите звонить в полицию?

Виктория не знала, чего хочет. Череп звенел пустотой. Сердце сдавило.

– Нет, – выдохнула она.

Все оказалось не таким, каким виделось.

Инга улыбнулась одними глазами:

– Спасибо, что начали мыслить трезво. На вас лежит ответственность за жизнь мужа и за будущее семьи. Эмоции – это по-женски. Думайте по-мужски. И решайте по-мужски. Те, кто выиграл, лично против вас ничего не имеют, но карточный долг, повторяю, в мужском мире свят и ценится выше жизни. Проблему нужно срочно уладить, это в ваших силах. – На секунду достав из сумочки дорогой смартфон, Инга посмотрела на время. – Вас ждут.

– Сейчас?!

Виктория еще не свыклась с услышанным, а тут...

– Ответьте для себя, вы любите мужа? – Инга остановилась. – И не воспринимайте ситуацию как конец света. Скорее, это начало. Поступок Родиона выглядит кошмарно, но только со стороны и по прошествии времени, а когда ваш муж играл, он думал о вас. Представьте его состояние, когда

до конца ваших проблем с деньгами осталась одна игра, а он был уверен в успехе! Не судите как ханжа, влезьте в его шкуру. На кону было ваше общее с ним счастье на годы вперед. Встаньте на его место. Вы бы не согласились? Его поступок – высшее проявление любви, он хотел как лучше, он мечтал о том, чтобы вы с ним были счастливы. Беда Родиона в том, что ему не повезло. А вам везет всегда? У вас в жизни не было осечек, когда хотелось одного, а выходило по-другому? Задаю вопрос еще раз: вы любите мужа? Вы готовы спасти его жизнь и свое счастье?

Как ни мерзко выглядело предлагаемое, а не существует ничего важнее жизни. Рискнуть можно всем – счастьем, любовью... но не жизнью.

Инга заметила нужное изменение в ее взгляде.

– Вас проводить?

Виктория отшатнулась.

– Как хотите. – Инга кивнула на выход. – Езжайте к дому, где сбили вашего мужа, а лучше идите пешком, получится быстрее. Напрямую отсюда недалеко, минут в десять-пятнадцать уложите. В кафе на первом этаже ждут кредиторы. Ничего делать не надо, к вам выйдут. Не волнуйтесь, они достойные люди, вам не причинят вреда. Скорее, наоборот.

В сумочке Инги заиграла мелодия.

– Простите. – Вытащив телефон, девушка шагнула в сторону, но сказанное мужским голосом «Ну что?» донеслось четко.

– Это они? – Виктория протянула руку. – Дайте!

Слова подберутся сами, главное – услышать этих людей, начать разговор...

– Нет, тут личное. – Инга отвернулась и что-то зашептала в трубку.

Звонок взломал ступор оледеневших мыслей, некоторое время они больно хрустели, после чего подтаяли и потекли невообразимыми смыслами и картинками. Виктория сжала виски ладонями. Родион. Родной. Любимый. Его поступок глуп и безрассуден, но она теперь просто обязана...

Обязана ли? А что будет потом, когда все произойдет? Какими глазами они посмотрят друг на друга... и смогут ли посмотреть в глаза? Если дошло до наезда – значит, Родион не хотел такой расплаты и рисковал жизнью для того, чтобы невозможное осталось невозможным. Если Виктория пойдет на поводу кредиторов, решивших действовать именно в момент, когда муж не в состоянии что-то предпринять...

– Перезвоню позже. – Инга отключила телефон и обернулась.

Две взаимоисключающие мысли сражались в голове Виктории. Одна требовала спасти мужа любой ценой, вторая – довериться ему. Родион ничего не рассказал – значит, он надеялся на другой исход. Это в свою очередь говорит, что не все так однозначно. Но доживет ли Родион до другого исхода?

А если его выбор – честь жены? Жизнь в обмен на честь

– в духе настоящего мужчины. Родион – настоящий, иначе Виктория не влюбилась бы в него. Но он поставил жену на кон, что совсем в другом духе. Как расценить поступок и можно ли такому человеку доверять в остальном?

«Такому человеку». Скажется же. Этот человек – муж, с которым она связала жизнь. Чтобы в горе и радости – навсегда.

Любовь и вера боролись, любовь молила о немедленном самопожертвовании, а вера в любимого человека заставляла уважать его решения. Виктория сухо бросила:

– Мне нужно подумать.

– Я вам все объяснила, дальше смотрите сами, – сказала Инга прежде чем уйти и еще раз посмотрела на часы. – Вас ждут еще двадцать минут, по истечении времени договор считается расторгнутым, и в силу вступят прежние условия. В случае допросов и других разборок я буду отрицать, что знала о соглашении, каким бы образом оно не исполнилось. На вопрос, зачем приходила сюда, скажу, что интересовалась здоровьем знакомого, и это абсолютная правда. Прощайте. Надеюсь, вы примете правильное решение.

Ветер трепал волосы и с упорством истинного мужика задирает платье, под ногами скрипела пыль, солнце противно сушило кожу на щеках. Инга шла домой. В сумке вновь зазвонило.

– Поговорила? – раздался в трубке тот же нетерпеливый голос.

– Должна прийти, – буркнула Инга. – Готовьтесь. Камеры проверьте, это главное. И если где-то проколите...

– Обижаешь, мы репетировали.

– Все предусмотреть нельзя.

Она хотела отключиться, но приятель не успокаивался:

– Все же: должна прийти или придет?

– Не можешь пять минут подождать? – Инга нажала «отбой».

Теперь от нее ничего не зависит. В мыслях бурлило и пенилось, на душе сквозило, и очень хотелось кого-то пристукнуть. Хотя бы пнуть. Мешали туфли-лодочки, надетые, чтобы сделать походку искушающей, и вместе с платьем, подчеркивающим спелую роскошь, объяснить сопернице, кто чего стоит. Испорченная болезнями тощая палка и, в противовес, юное тело в самом соку – для мужчины, который хочет наследников, выбор был очевиден. Реальность же сворачивала понятный любому здравомыслящему человеку вывод в бумажный кораблик и спускала в канализацию. Наворачивались слезы. Почему Родик сам не ушел от Виктории? Что не так?

Простейшее объяснение – козел он, как все мужики. Кормил сказками. Или Инга сама себе все придумала? Родик, к его чести, следил за словами и не обещал ничего конкретного.

Студентка-практикантка и симпатичный начальник цеха – это было круто с самого начала. Немолодой, и что с того? Умный, перспективный, обходительный – не чета озабоченным сверстникам и не менее озабоченным ухажерам постарше. Инга ценила в мужчинах стержень, за который подруги с хихиканьем принимали нечто иное. Родион Михайлович «состоялся». От него веяло несокрушимой уверенностью. И в один прекрасный момент он превратился для Инги в покладистого милого Родика. Умиряющая жена и отсутствие детей успокаивали совесть, что в битве доводов начисто перечеркивало гадкие ухмылки подруг.

Чтобы проводить время с ней, Родик занимал деньги у друзей – зарплата полностью уходила на содержание официальной супруги. Возвращение домой под утро сложностей не вызывало, причиной объявлялся преферанс. Прежнее увлечение служило отличным алиби. Виктория никогда не проверяла, где был муж, считала это ниже своего достоинства. Или глупо доверяла. Тем лучше для всех.

Ненасытность взрослого любовника поражала. Непонятно, как он выдерживал на голодном пайке до встречи с Ингой. Она очень старалась и сумела стать необходимой. Свидания участились, удлинились и постепенно переросли в нечто большее. Отношения стали более тесными, теплыми, душевными. Проблема разницы в возрасте оказалась выдумкой, им вдвоем было чудесно и до постели, и после, не говоря про между. Проблема оказалась в другом. Из-за лож-

ного сострадания Родик не решался на мужской поступок. Инга ждала, но не торопила. Они почти не разговаривали на эту тему. Когда претензия все же проскальзывала, любимый, сморщившись, уходил от ответа.

Жалость Родика к супруге вызывала уважение и раздражение. То, что он не бросает больную жену, чтобы уйти к любимой, подтверждало правильность выбора. Именно такой мужчина нужен Инге – ответственный, верный долгу. Но жизнь идет, нужно строить будущее, а не цепляться за прошлое.

– Хочешь, с Викторией поговорю я? – спросила она однажды.

Родик вспылил и запретил даже думать на эту тему. Для Вики, дескать, нет ничего важнее семьи. Она тихая, домашняя, скромная. К тому же, больная. Ее убьет сама мысль, что ее предали. А он не предавал, просто мораль и мужской инстинкт часто встают по разные стороны баррикад, а обстоятельства бывают разные. Инга, если у нее в порядке память, должна помнить, что он не обещал ничего сверх того, что было, и вообще, зачем портить прекрасный вечер, когда все хорошо?

Инга радужного настроения любовника не разделяла.

– Тебя держит вера в ее честность? А откуда тебе знать, чем тихая домашняя скромница занята в свободное время и почему ей не нужны плотские отношения с тобой? Может быть, вы в равном положении, а ее «лечение» – аналог твоего

«преферанса»?

– Она никогда мне не изменит, – мотнул головой Родик. Как упрямый бык. С тем же выражением лица и отсутствием сомнений.

– А если уже изменяет? Ты не знаешь женщин.

– Скорее наступит конец света.

– Если такой «конец света» произойдет, твоя жизнь начнется с чистого листа?

– «Если».

Разговор заронил идею. Давно зрела мысль сообщить Виктории о распутстве муженька и разрушить хрупкую связь с обратной стороны. Останавливало, что больная женщина может простить непутевого спутника жизни, а Родик Ингу не простит никогда.

Единственным выходом остался компромат на Викторию. Родик слишком верит «скромнице». Чтобы сломать такую веру, нужно постараться. Доказательства должны просто убить. Вызвать отвращение.

Идея оформилась в план, а к действиям толкнула новость, в которую Инга сначала не поверила. Она собирала сведения о Виктории, и знакомые в клинике сообщили невероятное. Лечение, которое удерживало Родика при супруге, вело совсем к другому результату. Виктория не умирала, она собиралась рожать!

Пришлось действовать на опережение. Толчком стал случайный наезд. Даже если виновника найдут, причастность

водителя к выдуманнным событиям, о которых тот, естественно, ни сном, ни духом, недоказуема. В роли «преферансисто-кредиторов» выступают приятели Инги, документальному свидетельству «оплаты счета» Викторией, которое они сделают, не поверить будет нельзя. Когда Родик придет в себя, ему покажут запись, и версия жены, если та докопается до правды или расскажет мужу версию Инги, будет выглядеть выгораживанием своих походов. При правильном монтаже слово «похождения» покажется детским утренником по сравнению с показанными кадрами. Наступит долгожданный «конец света», и Родик поймет, где его счастье.

Инга еще раз посмотрела на время. Истекала последняя минута. В больнице Инга оставила Викторию в метаниях, но у той нет выхода.

Несмотря на волнение, губы растянулись в улыбке. Теперь все будет хорошо.

Кольнула странная мысль: а как бы поступила сама Инга, если про любимого расскажут нечто похожее и поставят перед тем же выбором?

Инга хмыкнула: бред. Она никогда не окажется на месте Виктории.

Телефон вновь зазвонил.

– Время вышло, а ее нет, – сообщил ожидавший в кафе приятель.

Не терпится им. Еще бы. Если почти круглосуточно сидеть за компьютерами, белого света не видя, любая живая

женщина покажется даром небес.

– Подождите немного, должна придти, никуда не денется.

– Должна или придет? – вновь уточнил приятель.

– Если любит – у нее нет выбора.

– Выбор есть всегда. Я думаю, что если вправду любит, то ни за что не согласится. Она поверит мужу, а не первому встречному.

– Даже если все улики – против?

– Любить – значит, верить.

Инга хмыкнула:

– Ты неправильно понимаешь любовь.

В трубке послышался вздох, и приятель отключился.

А перед глазами продолжала висеть его глупая, ничем не подкрепленная фраза.

Вася и волшебники

Сказка

Жил-был такой Вася. Обычный мальчик. Когда сидел спокойно, его называли хорошим, когда шалил – плохим. Он был уже большой, но все вокруг считали его маленьким, и переубедить их никак не получалось. Хотя он очень старался. Например, Вася больше не верил в сказки. «Волшебников не бывает!» – говорил он. «Почему?» – спрашивали взрослые. «Потому что они не нужны!» – восклицал Вася, но взрослые только смеялись. В глубине души они сами были маленькими и ждали доброго волшебника или добрую фею, которые решат за них все проблемы и наладят им жизнь. А Вася больше не верил в волшебников, он уже знал правду. Вот как это произошло. «Хочу встретиться с добрым волшебником!» – решил Вася, когда был совсем-совсем маленьким, а вовсе не большим, как сейчас. На прошлый день рождения.

И появился добрый волшебник. «Теперь все у тебя будет хорошо! – сказал он Васе. – И ты будешь хорошим. И родители у тебя будут только хорошими. И кормить тебя будут только хорошо. А вот гулять одного больше не пустят, чтобы всем тоже было хорошо. Хорошо?»

«Нет», – сказал Вася.

Откуда ни возьмись, рядом с добрым волшебником по-

явился злой волшебник. «Молодец, Вася! – радостно воскликнул он, – твое желание исполнится! Теперь все у тебя будет плохо! И ты будешь плохим. И папа с мамой будут только плохими и будут заставлять тебя есть невкусную кашу и убирать за собой игрушки. И никогда не купят тебе больше одного мороженого. И вообще перестанут тебе надоедать и уйдут куда-нибудь. Разве плохо?»

«Плохо!» – закричал добрый волшебник.

«Хорошо!» – закричал злой.

В споре, кто из них более прав, они бросились друг на друга с кулаками... Но только в придуманных сказках добро всегда побеждает зло, на деле все очень переплетено и непонятно. Так получилось и на этот раз. Оба старавшихся ради Васи драчуна вдруг провалились друг в друга, как в зеркальное отображение, и исчезли. Оба. Не стало ни доброго волшебника, ни злого.

Васю это не опечалило. Наоборот. Он увидел, что все хорошее хорошо только с одной стороны, а с другой плохо. А плохое когда-то или для кого-то хорошо. А главное – все, что могли сделать волшебники, могли и Вася со своими родителями, если не ждать помощи от не пойми кого, а если бы собрались, встали, взяли и сделали. Правильно? Но тогда – какие же это волшебники, те, кто притворяется ими? И зачем же они нужны?

«Сказок нет! – говорил с тех пор Вася. – Только мы сами делаем свою жизнь сказкой».

«А волшебников, добрых и злых? Тоже нет?» – удивлялись взрослые, по привычке надеясь на прибытие голубого вертолета с эскимо.

«Тоже нет!» – говорил Вася.

И загадочно улыбался. Глупые взрослые. Не понимают очевидного: мы все – волшебники. Иногда злые, чаще добрые. Совсем не сказочные волшебники.

Обычные.

Картина, снимок и любовь

Непонимание жизни в двух эпизодах

А теперь, товарищи, давайте получим удовольствие от этой картины. Тебе сколько лет, мальчик? Пятнадцать? Отвернись, тебе еще рано смотреть такие вещи. Внимание, я начинаю!

Семен Альтов «Магдалина»

Эпизод первый

Картина

1

Мимо других полотен уличной ярмарки Влад прошел спокойно. Эти зацепили, изображенные на них люди ж-и-л-и. Глаза горели, тела двигались, а пойманные мгновения жизни рассказывали о мыслях, страстях и тайных желаниях больше, чем тома биографий.

– Это ваши работы? – поинтересовался Влад у обретавшегося рядом парня в круглых очках.

– Допустим, – прищурился худосочный длинноволосик, чьи круглые очки делали из него помесь Джона Леннона с Гарри Поттером.

Конкуренты, матерые ассы холста и кисти, сместили Влада взглядами: «Вроде солидный человек, а нашел, что смотреть. Вот у нас...»

Ветер надувал паруса сувенирных лавок, сновали люди. В глазах рябило от расставленных вдоль улицы творений – они напоминали экран в момент плохого сигнала, когда часть картинки движется, а середина зависла цветными прямоугольниками. Каждый показывал отдельный мир, и каждый был интересней окружающего.

– Сколько хотите за эту? – палец Влада ткнул в ближайший холст.

На картине печальная женщина сокрушалась о потере, но в заплаканных потухших глазах тлел вызов судьбе.

– Допустим, эта не продается. Лучше купите эту. – Художник показал на соседнюю, где от вождедеющего парня наигранно убегала девушка. – Не так тягостно будет холодными зимними вечерами, мыслей дурацких меньше, мир не так гадостен. Берете?

– Как вас зовут?

Парень тряхнул гривой:

– Никак с точки зрения вечности. Просто Павел.

– Просто Павел, вы пишете портреты?

Спина художника выпрямилась:

– Допустим.

2

Улыбчивое счастье. Полцентнера смысла жизни. Любовь на ножках. Тысячи милых, забавных, понятных лишь двоим определений, одним словом – Нина. Чудесная, очарова-

тельная красавица, вызывавшая зависть коллег и восхищение друзей. Готовая как на самопожертвование, так и на великие сумасбродства. Главная удача всей жизни. Если Влад что-то делает – это для нее. А если для нее, своей половинки, – значит, для себя. Все просто, когда любишь.

С утра он предупредил жену, что вечер занят. Чем? Сюрприз.

Небо за окном поблекло. Загасив шторами уличные фонари, Нина открыла шкаф, шеренга нарядов качнулась на вешалках, словно исполнила перед главнокомандующим команду «Равняйся». Нина замерла в муках выбора.

– Нет. – Влад подошел сзади. – Только это.

– Только?

Нина моргнула: несколько лет брака ассоциировали сюрприз с платьем и шпильками, никак не с протянутым халатом. Взгляд, искривший весь день, тускло обвел квартиру: единственная комната, кухня, санузел, прихожая... Влад делал карьеру в одной из силовых структур, его зарплата позволяла жить лучше, но лучшее ассоциировалось с дорогой машиной, с поездками за границу и с детьми, играющими на травке загородного дома, куда в гости приходят именитые соседи... Это планировалось, на это откладывалось, но жить хотелось здесь и сейчас.

Всучив халат, Влад уселся в кресло, которое едва помещалось в окружении шкафов, стола и дивана. Последний в раздвинутом виде исполнял роль супружеского ложа. Мысли

жены читались открытым текстом: каждая деталь интерьера от понимающего в первую очередь дивана до подоконника в подъезде давно и разнообразно обшурприжена. Дескать, ничего принципиально нового, а потом ужин, и снова посуду мыть...

Последнее решалось легко: сегодня они закажут пиццу. А сюрпризы бывают не только чувственными или материально-выходными.

– Идем не мы, – сказал Влад.

Жена снова моргнула, по разгладившимся щекам пробежали мурашки: «К нам?!»

Она уставилась на халат:

– Только?!

Теперь щеки побелели, скулы едва не рвали их. Миг – и белизна пошла пунцовыми пятнами.

– Только, – подтвердил Влад.

Со стены глядела фотография: белое платье, черный костюм, цветы... и счастье – небывалое, неопишное, в глазах обоих. И любовь. Потому и счастье.

Павел пришел, когда совсем стемнело. Необходимое для работы – от мольберта до кисточек – еле втиснулось в дверь и заняло половину прихожей. Дождавшись, пока гость разуетея, Влад указал на диван, место рядом с которым на всякий случай занял электрообогреватель – вдруг дело затянется.

– Здесь?

– Если свет наладить. – Павел оглядел скромное уютное

пространство.

Из ванной выглянула Нина. Влад выдохнул. На душе от дерзости задуманного скребли кошки, но сейчас потеплело, словно после долгой ночи взошло солнце. Жена сделала робкий шаг навстречу. Она куталась в махровый халат, золото свежевывмытых локонов обрамляло лицо и ниспадало на хрупкие плечи, тонкую талию перетягивал поясок. Бурно вздымалась грудь. Снизу жались друг к дружке маленькие босые ступни.

Клон музыканта и волшебника снял и протер очки.

– Павел, – нерешительно отрекомендовался он.

Хозяйка и гость кивнули друг другу.

Минут за десять до визита, когда жена уже с ума сходила, сюжет сюрприза пришлось раскрыть. Нине, как она ни смущалась и ни замалчивала, идея понравилась. Быть моделью и получить в собственность чужое видение себя – это, наверное, мечта любой женщины. А для не веривших в себя – лекарство.

Нина не нуждалась в лекарстве. Она сама была лекарством.

Пока Павел распаковывался, Влад подвел супругу к дивану. «Ничего не бойся, ни о чем не волнуйся. Я рядом, – сказали его глаза, когда руки стягивали и забирали халат. – Я люблю тебя».

Под Ниной глухо выдохнули примятые подушки.

Идею навеял Кэмерон своим «Титаником». Приглашен-

ный хипповатый гений должен был нарисовать как в любимом фильме Нины, но по-своему. Когда Влад объяснял задачу, художник в ответ розовел пробивавшимися сквозь патлы прозрачными ушками и спрашивал: «В стиле Буше вас устроит?». «Буше?» – переспрашивал Влад. Ему показывали Буше, который, как на зло, оказался не единственным Буше, Влад отвергал: «Напыщенно и неестественно. Откровенность должна идти от сердца. Хочу правды. Или того, что считаю правдой».

Нина закинула одну руку за шею, вторая опустилась в сторону творца. Голова утвердилась в горделивой позе, и легким движением расправились плечи, обрисовав женскую статью в самой выигрышной позиции.

Очки Павла покрыла испарина. Он начал писать.

Минута тянулась за минутой. Из-за спины художника Влад глядел на проявлявшийся образ. Мощными солнечными мазками вырисовывался силуэт – заманчивый, до боли знакомый. Кисточка порхала от пятнистой грязно-бурой палитры к холсту и обратно, добавляя каждый раз по грубому штриху. Павел, бубня под нос, истязал дерюгу новыми и новыми фехтовальными выпадами – взмах за взмахом, укол за уколом, с ожесточением и неотвратимостью. Время, для него прессовавшееся в секунды творчества, для Влада и модели казались вечностью. Нина стоически позировала, но глаза сообщили, что мысленно она уже прокляла Влада, картину и всех художников мира, вместе взятых. Это оказалось тяже-

лой работой – показывать себя. И вместе с тем...

Через полтора часа кисть опустилась.

– На сегодня все. Устал.

Павел засобирался. Нина потянулась и встала, а Влад смотрел на результат мучений. Получалось талантливо, откровенно и беспардонно-вычурно. Хотелось чего-то похожего, но не совсем такого.

Все еще впереди.

3

На следующий день начали в то же время. Влад видел, что в целом Нине нравится происходящее, как нравились любые вырывавшие из повседневья приключения с непременным возвращением обратно, в прекрасную точку отсчета, откуда все идет и где заканчивается. Домой. И не в смысле адреса.

Приключение оказалось волнующим. У супруги подрагивали руки, на шее проступили знакомые пятна: любимый муж рядом, симпатичный мужчина напротив, блеск кожи и глаз, атмосфера художественного эротизма с налетом недозволенности – что еще нужно женщине, чтобы почувствовать вкус жизни? Нина была счастлива. Странно, но это не смущало Влада. Радовало. Ведь Нина счастлива.

Он вышел в прихожую, через открытую дверь наблюдая за поединком демиурга и творения. Картина сопротивлялась, вызывая припадки гнева и подзуживающей ярости, Павел писал, исправлял и вновь что-то переделывал.

Битва титанов и миражей. Дуэль плоти и духа. И, внутри души, еще раз материального и невещественного: Нины перед глазами как реального объекта и ее всепроникающей ауры, невидимой, но осязаемой шестым чувством, которое имеется у каждого существа мужского пола.

Война личных страхов против надежд – все выливалось в краски. Из темноты прихожей Влад наблюдал, как Нина смотрела на одухотворенное лицо Павла, на выстрелы взглядов на нее и обратно на холст – туда, где тоже была она, тоже неприкрыто-беззащитная, тоже вскидывавшая на него прямой взор и открывавшая телесные тайны. Осуществившаяся сказка. Пещера Аладдина. Сим-Сим, откройся! На молодого мастера глядела вселенская загадка, тысячелетиями порабощавшая мужчин и заставлявшая совершать заранее известные необдуманые поступки. На него смотрела Природа. Природа звала. Природа приказывала.

Павел не сопротивлялся – никто не смог бы противиться – но делал это по-своему. Мечты художник переносил на Нину нарисованную – на ту, которая не откажет, не посмеется, не рассердится. Которая сделает все что угодно. Павел наслаждался властью над создаваемой красавицей. К нему пришла Муза, и мысленно он творил с Музой в образе Нины самое непотребное – до потери пульса, до неслышимых чужому уху всхлипов и стонов, до предполагаемого плача и мольбы о пощаде. Он отрывал крылья бабочке, вламывался в цветник и выкалывал глаз циклопу-Природе. Хотя и крас-

нел, когда кисть касалась нарисованного сокровенного. Взор под очками туманился и метал молнии во исполнение разбушевавшихся фантазий.

Пигмалион и Галатя. Красоту, физическую и духовную, художник чувствовал на уровне подкорки. Он был прост как яйцо и гениален как яйцо квадратное. Пусть еще будет черное – реверанс Малевичу. Творца красоты без большой любви в глазах, спрятанных за наивной стеной стекол, мастера без ведьмы-Маргариты, Павла уже не отпускали глаза и тело Нины. Влад это видел. Из точки, где по прихоти Амура пересекся с будущей женой, он давно следовал той же дорогой. Вернее, они с Ниной рука об руку проходили по ней точку за точкой, рисунок увеличивался, но что он изображал – узнают ли они когда-нибудь? Как и почему древние греки нарисовали свои созвездия, превратив набор точек в нечто божественное? Как называется их, Влада и Нины, созвездие, неизвестной рукой выводимое на холсте мироздания?

А Павел творил, перенося свои невроты, мечты и комплексы на единственную имевшуюся в распоряжении материю. Влад осторожно прикрыл дверь – нужно сходить в магазин. Жизнь есть жизнь, как пролаяла однажды некая англоязычная группа, и он хотел дать любимой женщине и художнику посуществовать в наэлектризованной, пропитанной тягуче-жгучей откровенностью, запертой комнате только вдвоем. На присутствие соучастника-наблюдателя приходилось расходовать часть энергии – словно разгоняющемуся болиду

Формулы-1 периодически сворачивать со скоростной трассы на маленькую боковую.

Главное в заезде – финиш, а к финишу Влад успеет.

4

Через час Влад тихо отпер дверь и заглянул в новоявленную мастерскую. На удивление (а может и нет) все осталось по-прежнему. Длинноволосый размашисто писал, облизываясь глазами и мыслями на творение рук, картина обрастала деталями, за окном сгущались лиловые сумерки. Нина лежала в той же позе, но изменилось выражение глаз. Умей взгляд обжигать – спалил бы, он говорил (да что говорил, кричал!) языком чувств, который художник обязан понимать в силу профессии.

Но Павел был занят Ниной с картины – ее ослепительной грудью, волнами ребер, окаймлявшими, как берега лагуну, бархатный нарисованный живот. У Нины реальной грудь ходила ходуном, лагуну крутило водоворотами, из расщелины зубов выполз язык и круговым движением оставил след на пересохших губах. Павел не видел. Казалось, его унесло по ту сторону яви, в кошунственное Зазеркалье, где желания обретают свободу, иллюзии обретают плоть, и эта плоть торжествует. В мечтах он попирал небосвод и людские законы, впивался в жертву, взрывал изнутри и поливал искрами фейерверков...

Увы, Музы не терпят насилия. Худосочные руки продол-

жали творить, но взгляд постепенно тух. Узкие плечи сгорбились. Павел остановился и протер очки.

– На сегодня все.

Наскоро собравшись, он ушел. И только запах... да, запах. Запах остался. И еще нечто столь же невещественное.

Туманным взором Нина проводила художника. Она не шелохнулась – тоже была не здесь, а далеко за гранью времени и чувственности. Она растеклась по этой реальности и не верила происходящему.

Дверь еще не захлопнулась, а Влад уже скользнул к дивану. Колени опустились на пол, губы прильнули к любимым ямочкам.

– Любимая...

Нина схватила его за волосы:

– Любимый...

5

На третий день художник пришел взъерошенный, неразговорчивый. Пройдя в комнату, он уставился на картину.

Нина разделась грациозно и непринужденно, будто всю жизнь тренировалась, и возлегла на алтарь искусства – как ее плотский символ, коварная жрица и ждущая наказания жертва в одном лице.

Павел не глянул в ее сторону. Внимание поглотило собственное творение. Он был не в восторге. Влад встал рядом.

– Не нравится?

Павел тоскливо скривился.

Нина, которая на картине, была пленительна и гармонична, ярка и загадочна. Но...

Это была просто картинка. Без внутреннего света, что отличал работы Павла от прочих.

Картине недоставало души. Влад не заказывал кич, а Павел не занимался глянцевым ширпотребом.

– Это не совсем то, – высказал Влад обоюдные мысли.

– Совсем не то, – уточнил Павел.

С дивана нервно прислушивалась к разговору жена: чем недовольны эти вечно неудовлетворенные жизнью мужчины?

– Должно быть видно сразу и без вариантов, – продолжил Влад, – эта богиня – женщина любящая и любимая, желанная и желающая. Она должна волновать меня как зрителя не меньше, чем волнует в жизни как мужчину.

– Будем работать. – Павел сконфуженно глянул в сторону модели.

Нина была именно такой, какой Владу хотелось видеть ее на холсте. Волшебным ключиком в мир красок и цветов. Рискованно раскованной в дразняще-фантастической нагоде и возбуждающей фантазии. Немыслимо, неопишимо женственной. Сказочной. Будоражащей восхитительно и невыносимо.

Павел долго протирал очки, затем взялся за кисть и краски. Работа началась.

С журналом в руках Влад сидел в углу комнаты, не столько наблюдая за процессом, сколько любуясь супругой.

Павел работал и страдал. Чувствовалось, как не удастся перенести на холст тот взгляд, ту позу и ту ауру, что смотрели на него с бессильным укором, где-то в глубине души хотели его и при этом, возможно, насмехались над ним – ловеласом-неудачником, геройствующим лишь в мыслях и в настоящей жизни не годным на безумства, которые делают мальчиков Мужчинами. Рыцарь печального образа. И чем дальше, тем печальнее. Работа не клеилась. Павел что-то переделывал – выходило хуже. В мимике читалась каждая из разбегавшихся мыслей – от вздорно-чувственных о модели до позорных о пропащем себе, с чего-то вообразившем, что талантлив.

Влад поднялся и подошел к мольберту.

– Павел, перед тобой – щемящая красавица, мираж странствующего путника, сон сексуального маньяка... А что мы видим? Валяющийся манекен из магазина одежды? Мягкую игрушку – «уронили мишку на пол»?

Павел отвел глаза. Каждое слово било его, как палка птицу, которая разучилась летать.

– Нина, подойди, – позвал Влад.

Жена в два шага оказалась перед ними.

Ева, не вкусившая яблока. Венера, из морской пены рожденная и вышедшая из волн во всем невинно-дерзком великолепии. Павел потупил взор.

– Пойдем. – Взяв обоих за руки, Влад потянул их за собой – из комнаты в коридор, оттуда – в ванную комнату. – Ничка, прими душ.

Он открыл кран и подсадил жену, помогая забраться в ванну через бортик.

«Хлеба и зрелищ», – требовали древние римляне. Владу с Павлом стало не до хлеба. Нина царила перед очумевшими взорами, улетала сквозь покрывало струй и парила в сияющем ореоле. Мечтательное лицо, подставленное брызгам и потокам, руки, шея, плечи, спина, бедра... все играло и дышало жизнью. В искрящем облаке Нина плескалась как ребенок или бросалась в другую крайность – исполняла дуэтом с водой сводящий с ума намеками и непристойными предложениями танец бесстыжей стриптизерши.

Влад перехватил поползшую к очкам руку Павла и, резко подняв ее, припечатал центром ладони в сосок, пальцами по окружности.

Павел поперхнулся, рука непроизвольно попыталась отдернуться.

– Почувствуй! – Влад крепко удерживал сверху. – Вот этого нет в твоей картине – жизни! Женщина перед тобой – не ваза для натюрморта, она живет и хочет радоваться. Не лишай ее, даже нарисованную, этой возможности.

Нина замерла, словно играя в «остановись мгновенье», мышцы напряглись, глаза закрылись.

Свободной рукой Влад выключил воду.

– Это тело, эта кожа, эта женщина – все это создано для счастья. Где оно в твоей работе?

Лицо Павла менялось на глазах: дикие фантазии обрели плоть и кровь, мысли закружились в бесовском танце и понеслись вперед, подключая застоявшееся воображение, что вдруг вырвалось из шока и устремилось наверстывать упущенное.

– Чувствуешь? – спросил Влад.

– Да, – выдавил художник.

Влад оторвал чужую руку от жены.

– Сможешь передать?

– Наверное. Точно, смогу. Уверен.

– Дерзай.

Вытолкнутый из ванной творец нетвердой походкой прошествовал к мольберту, Влад прикрыл дверь и обнял мокрое тело Нины.

Она склонила голову. Утопив лицо на груди, он слушал ее сердце. Так они простояли вечность длиной в минуту – в обнимку, в любви и тихой необъяснимой страсти. Ангелы-хранители взаимного счастья.

– Я люблю тебя, – прошептал Влад.

– Я тоже, – прошелестело над головой.

Макушки коснулся теплый поцелуй.

Когда они вышли в комнату, Павел упаковывал картину.

– Я знаю, как надо писать, – сказал он, не оборачиваясь. – Доделаю дома. Я понял. Я сумею. И позвоню.

Навьючив горб художественного скарба, художник отбыл, унося с собой частицу не принадлежащей ему любви.

6

Павел позвонил через месяц.

– Я закончил... – Чувствовалось, как он подбирает разбежавшиеся слова. – Простите, опять получилось не то, что заказывали. Точнее, получилось именно то, но не так. В общем, я переписал заново. Готов снизить цену. Если откажетесь от заказа, пойму. В общем, приходите, картина готова.

Влад поехал один. Не то, чтоб Нина не хотела... Просто не нужно ей быть там. У н-е-г-о.

По указанному адресу оказалась захламленная, типично студенческая квартирка, в которую невозможно проникнуть, чтоб ничего не опрокинуть. Но когда Влад преодолел барьеры, окружающее перестало существовать. Осталась только она – картина, стоящая в самодельной рамке в центре помещения.

С полотна на Влада глядело лицо Нины – настоящей, именно такой, какой он ее знал. В это лицо Павел сумел вложить все. Гордость и недоступность. Красоту и поэзию. Гармонию и эротику. Наивность и любовь к приключениям. Взвешенность и готовность к риску. Глаза, как известно, – зеркало души, но глаза на картине были не зеркалом, а оружием. В них кипела необузданность. Нина была хищником, готовым к броску. Удавом, гипнотизирующим обез-

воленную жертву. Глаза выдавали то, что спрятал художник: сумасшедшие желания и безудержную фантазию в их исполнении. Глаза сверлили, заставляли обливаться потом, жалили, накрывали выплескивающейся сексуальностью и манили, манили, манили... Приоткрытый в предвкушении рот обещал райское наслаждение, его недра стонали от неудовлетворенности, остальное дышало через этот рот и требовало своей части возможных и невозможных удовольствий. Переполненное жизнью тело кричало через лицо: «Я здесь! Замурованное и скрытое, я спокойно на вид, но я – взведенная пружина, я подточенная скала, готовая обрушиться на вас чувственной мощью и утопить в блаженстве...»

На картине Павел накрыл Нину одеялом. Обжигающую наготу художник спрятал от всех – от нескромных взоров, от жестокого мира, от Влада, от себя... и для себя – оставив закрытое в мыслях и воспоминаниях. Осталось только лицо, которое глядело из-под одеяла. Но какое лицо! Художник превзошел ожидания. Он выполнил условия. По-своему, но лучше, чем можно представить.

Влад кивнул.

– Это то, чего я хотел. Это она.

Эпизод второй

Снимок

1

– Павел?

– Допустим.

Художник не узнал голоса в телефоне. Правильно, не друзья, не приятели, а так, осенние листики, в падении с разных деревьев зацепившиеся краешками и некоторое время парившие вместе.

– Недавно ты писал картину...

– Влад?!

– Мне тоже очень приятно. Требуется помощь человека, пришибленного искусством. Насколько ты умеешь обращаться с фотокамерой?

– Не профессионально, конечно...

– Можно тебя ангажировать на вечер пятницы – поработать непрофессионально?

– Я подумаю, – раздалось из телефона с плохо спрятанной радостью.

2

Подгулявший народ хотелось пнуть, так медленно он рассасывался по жерлам подъездов. Сказывался конец недели. Над городом сгущалось темное марево, водители ворчали в привычных пробках, любясь, как вспыхивают вдоль улиц гирлянды освещения. Утесы многоэтажек заполнялись светящейся рябью.

Приглашенный не по специальности художник сообщил, что прибыл к памятнику, в интонации сквозило нетерпение.

– Подъезжаем. – Влад отключил громкую связь.

В рабочее время припарковаться в центре, между монументом, храмом и администрацией, нереально. Сейчас машина втиснулась на освободившееся место почти в нужной точке. Это еще один плюс выбранного времени.

– У этой стелы обычно свидания назначают. – Нина плотнее закуталась в пальто. – Иди один.

Куртка на художнике оказалась такой же, как у Влада. В очередной раз порадовала похожесть вкусов. Обменявшись приветствиями, оба замерли ненадолго – ни приятельская, ни светская беседа к случаю не подходили, если говорить – только о деле. Павел показал на фиолетовые сумерки:

– Не поздно для съемки?

Влад обежал взглядом изрядно помельчавшее, но не стихающее броуновское движение в городе.

– Рано.

Зрители в планы не входили.

Получив почти невозможный, потому трижды бесценный шедевр живописи, Владу захотелось истинного образа – не подкорректированного рукой творца. Требовался фотопортрет, но необычный. Не отщелкнутый в неподходящий момент и, тем более, не такой, где покорно стоят с уныло-усталыми глазами, желающими моргнуть. У него и Нины имелся заветный файл, из тех, что «не для детей», и там, на собственноручно сделанных снимках, Нина была всякой – властной, покорной, роковой, залихватски-дерзкой... Жаждалось чего-то похожего, но другого. Недостижимого уров-

ня. Как минимум, чего-то неповторимого.

Руки у Влада росли откуда надо, иногда удавалось сделать не красиво, а очень красиво, но мечталось о божественном вдохновении мастера, чьи профессия и призвание совпадали. Появляясь, идея начинает обрастать реализующими подробностями, как потерянная в море мина кораллами. Конечно, если море соответствующее. Море не подкачало. Сетевые самозванные Энгры от фотографии иногда соответствовали настроению, но назвать искусством вал похотливой самодельщины не позволяло чувство самоуважения. Профессонал на поприще совмещения приятного с полезным, который всегда держит планку на одном – высшем – уровне, в городе оказался единственным. Возможно, их, таких, много, просто не везло с источниками... Может быть, но поиски вывели на одного – некоего Аристарха Алексеевича.

Встречу организовала работница студии, где временно выставлялись работы мастера. Интерес к снимкам на стенах немолодая приемщица восприняла со стоическим равнодушием, лишь покосилась на палец с кольцом. Возможность знакомства со знаменитым фотохудожником, специализирующемся в стиле ню, обошлась в коробку конфет. Выслушав объяснение Влада, что хочет такое же, как на стенах, с женой, приемщица понимающе кивнула.

– Многие хотят, – уверила она голосом человека, много повидавшего в этой жизни.

Сразу о заказе говорить не хотелось. Передав просьбу о

паре советов, как лучше фотографировать любимую женщину в присущем автору стиле, Влад получил приглашение ненадолго присесть за столик в кафе, где маэстро изволил ужинать.

– На встрече нужно быть вместе? – спросила Нина, когда Влад поделился планами.

– Хочешь присутствовать?

Нина отвела взгляд.

– Тебе лучше не ходить, – сказал он. – Или подойти позже. В кафе Влад отправился один.

– Не стесняйся, это распространенное желание мужей, которым нравятся их жены, – выдал маэстро, указывая на стул напротив.

Гигантом искусства оказался добродушный дядька с легкой небритостью, с некоторых пор ставшей символом эдакого гламурного антигламура. Объем собеседника соответствовал таланту, под ним потрескивал стул с наброшенным на спинку пиджаком, ослабленный галстук прел под навесом двойного подбородка. С Владом Аристарх Алексеевич держался просто, соблюдая, впрочем, определенную дистанцию, которая доказывала, что он мэтр, а Влад никто, и так оно и будет, пока не доказано обратное.

С гениями не спорят. Приняв покровительственное высокомерие как данность, Влад присел – по-деловому, не на краешек, но и не разваливаясь.

Мэтр заговорил. Нет, он вещал. Даже так: возвещал. На-

чал издалека, как и подобало знающему себе цену вельможному господину от изобразительных искусств.

– Хорошее фото должно не показывать, а рассказывать, в нем обязан быть подтекст. Должны присутствовать как предыстория, так и следствие. Три в одном, включая незаурядное настоящее. Предоставлять глазам, уму и сердцу одновременное удовольствие от истории, которую тебе рассказывают, от характера, который показывают, и от прорисовки деталей, каждая из которых – дополнительный штрих к той самой истории. Умение не увести в сторону – показатель качества и профессионализма. Понимаешь?

– Угу, – потрафил Влад большому художнику.

Хмыкнув в стиле «да что человек вроде тебя может понимать...», маэстро продолжил:

– На снимке должно свершаться чудо. Застывшее изображение обязано оборачиваться повествованием, превращаться в рассказ о чем-то личном, интимном, не для всех – в рассказ, который сообщен тебе как величайшему ценителю, чтобы поражать, звать, преломлять сознание новой перспективой, уносить в грезы и мучить надеждами. При этом нужно, чтобы получилось как бы ненароком, исподволь... Искусство – в этом.

Аристарх Алексеевич перевалил центр тяжести на одну ягодицу, чуть сместившись относительно простонавшего стула.

– Изюминка – в ненавязчивости. Шарм – в отстраненно-

сти. – Вилка в руке выступила в роли дирижерской палочки, подыгрывая симфонии сообщаемых смыслов. – Не лезть в глаза – а прокрадываться косвенными намеками, оплетая и покоряя. Внушать идеи. Показывать правду – такую, какую хочется, а не ту, что до мерзости правдива и никому не нужна. Еще – уводить мысли в нужную автору сторону. Доводить до сведения. Передавать через тело модели то, что хочешь сказать ты. И что она, возможно, мечтает увидеть в себе. Что она хочет узнать о себе. Вот в чем почерк мастера.

Новая пауза призвалась зацементировать сказанное в сознании Влада, словно блоки в возводимом фундаменте – для постройки чего-то пока неизвестного, но еще более грандиозного.

– Умение говорить изображением встречается нечасто, – упало почти приятельское, но по-прежнему тяжелое, снисходительное. – Кто-то назовет это художественным чутьем, кто-то – особым взглядом художника, который имеет смелость выразить себя. Кто-то – Божьим даром или уникальным авторским подходом, вызывающим, как все прекрасное и нестандартное, зависть тех, кто так не может.

Последовало отвлечение на содержимое тарелки и долгий выбор добычи для занесенной вилки.

Влад молчал. Внимал. Собеседнику это нравилось.

– Те, кто слепо копируют технику и приемы истинного мастера всегда оказываются в полной... у разбитого корыта. Если здесь, – толстый палец свободной от вилки руки постучал

по взопревшему лбу, – нет идеи, техника не спасет. Это будет так, – досадливо скривившись, Аристарх Алексеевич повертел в воздухе пальцами, словно выворачивал лампочку, – ремесленничество, позор профессии. Если замысел хромает, выйдет не снимок, а чушня собачья, потому что мастер... как бы лучше объяснить...

Взгляд мэтра влажно перетек на одну из скороспело-сладеньких официанток, с подносом в руках продефилировавшую от стойки к дальнему столу.

– К примеру, обычный любитель только подумал о чем-то, конфузливо пряча глазки, – теперь вилка стала указующим перстом, многозначительно поднятым к люстре, – а мастер от Бога уже заметил и воплотил – по высшему разряду, без пошлости и ненужных эмоций. Таких профессионалов почти не осталось.

Фотограф перевел дух.

Влад почтительно слушал, глядел в глаза и не шевелился. Давал выговориться.

– Вымирают, – донеслось горестное, – как птеродактили, те тоже были динозаврами, но умели летать. Нынешние крокодилы, квази-потомки тех несравненных звероящеров, не летают. Только плавают, как и положено всему, что не летает. Плавают в иле и мутной грязи да покусывают исподтишка. Но даже без их сомнительных укусов...

Воцарилась недолгая тишина, имевшая цель донести до маленькой аудитории точку зрения со всеми недосказанно-

стями.

– Времена меняются, – раздалось затем требующее сочувствия риторическое. – Когда-то мальчишки хотели быть моряками, чтобы открывать новые страны и континенты, затем – летчиками, следующее поколение – космонавтами. Через тернии – к звездам! Казалось, еще несколько лет – и полетят земные корабли бороздить просторы Вселенной... Не срослось. Теперь юные мечтатели грезят не о трудной или опасной работе, а о славе в шоу-бизнесе или, прости Господи, в интернете. Повторюсь: не о труде, не о его результате, а о следствии результата труда, причем не натруженном, а скандальном – о славе! А быть фотографом дети не мечтают. Это приходит со временем. Как болезнь. И тогда от паранойи поиска оптимального кадра не избавиться даже в постели с женщиной.

Влад открыл рот, чтобы вставить свою ложку сентенций на тему, что раньше и мечты были глобальнее, и люди лучше, и килограммы тяжелее. Ему не дали.

– Груз прожитых в профессии лет давит на восприятие, а вокруг молодые фотоволчата ждут, когда Акелла промахнется. Им, глядящим на проблемы снизу, интересно «что» снимать, а много повидавшему вожаку – «как» и «зачем». Но... профессия молодеет, появляются новые имена, новые таланты. Или, скажем, те, кто себя талантами воображает. Ниспровергатели, чей девиз «Мы старый мир разрушим до основания, а затем». Что «затем» – сами не знают. А век фото-

графа как профессионала недолог, не больше, чем у спортсмена. Так же долго идешь к славе, так же трудно держишься на вершине, так же резко падаешь, забытый всеми. Пример – мой учитель в профессиональном плане, показавший, что есть что и зачем, Анатолий Ерин. Не знаешь? Теперь никто не знает. Умер и забыт, как многие другие, а он был не просто фотограф, он – вежа. Глыба. Говорят о той эпохе: «Слюсарев – голова!» Ерин – тоже голова, но другая, он влиял на мозги начинающих как свет летающей тарелки на питекантропа, выцарапывавшего на стенах пещеры первые чувства. Мягкие моноклевые портреты Ерина показывали изобразительные возможности фотографии, о которых окружающие не догадывались. А как он передал дух русского севера? А старой Москвы? Утонченно-мрачное невосполнимое прошлое дворянских усадеб, что ушли в небытие вместе с исчезнувшей эпохой – так же, как теперь кончилась эпоха самого мастера. А теперь? Молодые, отрицая старое, возвеличивают новых героев. Себя. Взять Бернинга и Ди Батисту: пакостят фото нюшных няшечек мазней и аппликациями, вплетают ленточки и умудряются продавать по десятку тысяч юров за снимок. Искусство? Для кого-то, у кого мощна полна и кто ставит знак равенства между Уорхоллом и Да Винчи – возможно. Или француз Кристиан Петер, мой собрат по стилю, гений своего рода, но именно, что своего. Глянешь на его работы, посмотришь так и этак... Красивые девушки, сделанные не из красавиц... Неожиданные ракур-

сы – многогранные, щемящие, выдающие сокровенные порывы сердец... Ничего не забыто: сексуальность, женственность, изысканная ирония, все присутствует и бьет по чувствам, но... ни доверительность, ни намекающая на шалость смесь утонченности с раскрепощением не спасают от скуки в убегающем взгляде зрителя. Работы Петера не подстрекают, они только передают. Это красивые истории с интригующим прошлым и чувственным настоящим, истории без продолжения. В том смысле, что без твоего участия, а оно тебе надо – такое?

Влад попытался сообщить, что именно ему надо, но вновь не успел.

– Нужно, – возвестил собеседник непрерываемо, – чтобы в каждом снимке переплетались реализм, фантастика, мистика, сказка, игра, провокация. Чтобы статика оборачивалась действием. И мыслью – обложенной подушками подтекстов, намеков, вторых и третьих смыслов... И завлекающей невыразимо влекущей подоплекой...

Воспользовавшись паузой, вызванной необходимостью вдохнуть порцию воздуха, Влад влез с желанием большей конкретики именно по своей теме.

– Насчет идеи о фото жены... К вам часто обращаются с такими просьбами?

– Постоянно, – сначала поморщившись, усмехнулся мэтр, отправляя в рот полную вилку салата. – Видел мои работы?

Влад кивнул. А как же. Потому и пришел.

– На них все – чьи-то жены, – хрустя салатом, закончил Аристарх Алексеевич почти сообщнически.

Взгляд его стал неприятным, масляным и приторно притворным, как у вышколенного тренингами менеджера по продажам, который почувствовал в собеседнике жертву и готовится сыграть ва-банк, впарив нечто дорогое и ненужное.

– А девушки, которым нужно портфолио...

– А ты не задумывался: кому нужно портфолио в таком амплуа, кроме них самих и их папиков? – не дослушав, захотел насыщающийся добряк. – Да и проблем с ними, одинокими...

Возвращение из высокого в обыденное часто пролетает нужный этаж, опускаясь напрямик в низменное, это нормально, таковы люди. Даже лучшие из людей. И все равно Влада передернуло.

Собеседник заметил, что ляпнул лишнее.

– Тебе понадобился совет, и ты здесь. Правильно. Перейдем к делу.

Теперь Влад сосредоточился, показывая, что весь – внимание.

– Если не имеешь подобного опыта, но желаешь снимать, как привык снимать я, – провозгласил гуру обволакивающим полусшепотом, – начинай с повязкой на глазах жены. Или без лица. Или вовсе без головы, ведь самое трудное – уговорить, – продолжал он, потрясая вилкой с наколотым на нее розоватым опарышем креветки. – Сложно вставить в ухо-

женную головку прекрасной дамы, ничтоже сумняшеся имеющей о себе самое лестное мнение, мысль, что ты хочешь ее без одежды. В смысле – снять. Не одежду. Ха-ха-ха.

Веселый дядька. Сам шутит, сам смеется. Полное самообслуживание, а смех, говорят, продлевает жизнь. Что ж, долгих ему лет, только бы говорил по делу.

И он говорил.

– С закрытым лицом или без лица на ню согласится почти любая. Или можно зайти с другой стороны: не говорить, что собираешься сделать.

– Но...

Фотограф перебил:

– Позволь сообщить странный, недоступный мужской логике факт, подтвержденный опытом и убийственной повторяемостью. Женщины, как ни удивительно для тех, кто не знаком с проблемой, обычно не протестуют, если ты – взявшийся за нее фотограф, уверенный в том, что делаешь – приступаешь к изображению на полотнах вечности не одних только призывно приоткрытых губок, не одних лукавых намекающих глаз, а если начинаешь снимать не столько лицо... понимаешь?.. – он подмигнул по-приятельски, заканчивая фразу с плотоядной усмешкой и обрисовывающим жестом рук, – сколько искушающий тыл. Повторяю, чтоб дошло и запомнилось, как школьное правило: что бы ни воображали мужики насчет недоступности своих скромняшек, эти недоτροги не возражают и не возмущаются, если от съемок лиц

ты восхищенно перейдешь к изображению их пятых точек. Большинство, если не каждая – втайне, конечно – гордятся своим реверсом и не меньше смазливой мордашки пестуют косметикой, упражнениями, массажем и соляриями. Вплоть до липосакций и прочей хрени под хирургическим ножом. Усек?

Его взгляд прожег насквозь, как непогашенный бычок клеенку. Влад снова промолчал.

– Скажу больше, – оратор вошел в раж, – им это нравится. Как и нам – тем, кто снимает. И тем, кто смотрит. На результат. Потом. Или сразу. Охотнее всего преподносят себя убежденные в собственной неотразимости – убежденные зеркалом или нами. И чем больше убеждены, тем свободнее перед объективом, тем больше себе – и нам – позволяют. Гм. Снимать.

Новый неприятный смешок резанул по ушам.

Теперь мастер говорил по существу, но не то, что хотелось Владу, и не так. Панибратский тон не обманывал, профессиональные «шутки» не веселили. И фотограф словно забыл, что разговаривает с мужем одной из тех, кого с презрением называл «они».

Всех под одну гребенку. Возможно, на то были причины. Большой опыт. Съемок. Разного вида. Но опыт однообразный, а Влад находился по эту сторону баррикад. Аристарх Алексеевич, кажется, не видел проблемы. С высоты положения – по сравнению с Владом, жалким женатым недотепой,

пришедшим просить милости и поделиться великими тайнами – он продолжал, распаляясь в совмещении мыслительного и питательного процессов:

– Главное – получить согласие женщины на съемку любого вида, далее все просто, если происходит грамотно и технично. Важно не отвлекаться на постороннее, говорить только о ней, сыпать комплиментами, не останавливаться. Модель даже не поймет, как же случилось, что стоит в странной позе, и пока сообразит, в какой момент дело и она повернулись таким образом, результат достигнут: можно улыбнуться и попрощаться – с ней либо с фотоаппаратом. Некоторые семейные пары именно за этим начинают канитель со съемками, фотосессия без одежды – повод, чувственный толчок, игра перед другим, еще более интимным. – Вступать в ненужный спор не хотелось, Влад промолчал. А из собеседника слова сыпались как из сломавшегося рога изобилия: – Люди любят играть в игры, обычно это схватка двух полов, что сходятся в поединке за удовольствия. Но бывают и варианты. Наш брат фотохудожник – прямое тому подтверждение, которое на равных участвует в задумке и реализации. Могу такого рассказать... Ограничусь навеянным жизнью убеждением: существование женщин и вкусной еды свидетельствует, что Бог существует и любит нас.

Аристарх Алексеевич поднял бокал, вскинул его ввысь, словно чокаясь с Богом, и залпом выпил.

– Подытожим. Если ты начинающий, – продолжил он, ко-

гда кадык дернулся последний раз, – если еще ничего не пробовал – кстати, не обижайся на «начинающего», возраст и постельный опыт роли не играют, я о другом – то начинать, конечно, надо с простейшего. Супруга стесняется раздеться перед камерой? Начинай издалека, как я объяснял. Не хочет экспериментов? Не верь, хочет, но смирись, что понадобятся время и терпение. Боится приоткрыть бездушной технике грудь? И не надо, потом сама откроет, начни с другой стороны.

В очередной раз наполнив стакан из высокой бутылки, фотограф посмотрел сквозь него на свет, долго вертел, как бы примериваясь, потом вздохнул... и неожиданно отложил, вернув на место, а рука вновь взялась за вилку. Затем Аристарх Алексеевич как бы вспомнил про Влада.

– Хочешь заполучить в объектив ее задницу? Пожалуйста. Женщина – любая – «за» обеими руками, только не сразу и не вслух. Долго носимая вуаль стыдливости не даст ей высказаться напрямую. Но поосторожнее с лицами. Задница – она и в Африке задница, особенно, если ладная и упругая, но если с задницей на снимке обнаружится лицо... Никогда не забывай: к собственной физиономии женщины придиричливее, чем к остальному. Что прощается скрытому одеждой телу, не простится зеркалу души. Именно фотографу или организатору съемок, то есть тому, с чьей подачи они начинаются – мужу или бойфренду – предстоит внедрить в женское сознание идею о сохранении ее чарующего облика в веках.

Не для будущих поколений, а хотя бы для себя, любимых, чтобы наслаждаться совершенством не только наяву, но и на бумаге или на экране. Потом можно развить мысль, в таких делах женщины зачарованно идут на поводу, как крысы за играющим на волшебной дудочке крысоловом. Женское тело – это сокровище, понимать и ценить которое необходимо, ведь так?

Аристарх Алексеевич нагромождал факты из опыта и специфики профессии, словно открывая невообразимую глубину. Понять бы, глубину чего. Неведомого океана? А по мнению Влада – лужи из упомянутого описания крокодилов, против которых рьяно настроен. Влад не отвечал на риторические вопросы, которыми заканчивалось большинство спичей. Фотограф и не ждал ответа, собеседник ему требовался, чтобы лучше слышать себя.

– Само по себе тело нравится только некрофилу, – сердечно делился он сокровенным, налегая при этом на остатки ужина, – остальных оно манит и возбуждает лишь вкупе с тем, что показывает, чем искушает, о чем намекает. – Призывающая к почтительному вниманию вилка взлетела вверх. – Как понимаешь, мы подходим к разбору художественной составляющей будущих съемок. Без нее снимок – бумажка, испачканная ребенком.

Они вернулись к тому, что интересует, и Влад вновь изобразил благоговение.

– Если на снимках нет жизни – коту под хвост такое ис-

кусство. Нужно обещание в дышащих тайной, затянутых поволокой глазах. Призыв соблазнительных изгибов. Непознаваемая загадка. Или, наоборот, ведущая к решению задачка. Динамика, нежность, завуалированное желание, жажда нового, даже агрессия, в конце концов, но – жизнь.

– Как это сделать? – пришлось встрять Владу, поскольку оратор вдруг занялся пережевыванием, задумчиво глядя в тарелку.

Закончив, гуру от красотоzapечатления и словоблудия промакнул губы салфеткой и довольно откинулся. Явно собирается сказать нечто значительное. Мудрое. Весомое.

Наконец-то. За этим Влад и пришел.

– Нужны две вещи, – проговорил Аристарх Алексеевич и приготовился загибать пальцы, пистолетом выставив перед лицом большой и указательный. – Первое, – указательный палец загнулся, – это талант...

Кто бы поспорил. Влад замер в предчувствии высшего откровения.

– Второе... – остававшийся единственно выставленным большой палец медленно-медленно пополз вниз, – опыт.

Повисла тишина.

Влад глядел непонимающе: шутит собеседник, притворяется, или в самом деле считает, что открыл недоступную непосвященным великую тайну? Вопрос был – как сделать это любителю, не посвятившему жизнь искусству фотографии...

– К сказанному добавлю любопытный факт, – не опуская прямого взгляда, продолжил мэтр, – посторонний мужчина-фотограф, получающий доступ к телу с дозволением это тело лицезреть, запечатлевать и руководить им – самая частая у женщин эротическая фантазия. Стоит заметить – подзуживающая и очень волнующая фантазия. Для кого-то смелая, для кого-то просто затейливая, но всегда до чрезвычайности возбуждающая как саму модель, так и ее супруга.

3

Затевая встречу с человеком, так безупречно останавливающим мгновение, Влад собирался сделать заказ. Деньги за талант – обычная сделка, за счет которых живут Художники. Но. Оказалось, что для Аристарха Алексеевича женщина – не божество, пусть он и лучше других умеет подать ее как богиню. Скорее, блюдо, от которого не откажется, даже не увидев его – то есть, ее – лично.

В дверях заведения показалась Нина, издалека улыбаясь и озаряя мир хлынувшим внутренним светом. Собеседник преобразился. Живот втянулся, плечи выпрямились, посадка головы ничуть не напоминала прежнюю – чванливо-снисходительную, но заинтересованную в чем-то мелочно-нескромном и потому соизволявшую иметь дело с представителем серой массы. Растревоженным тетеревом фотограф распушил хвост, затоковал, закурлыкал, и вместе с танцами оплетающих крыльев полились душераздирающие пес-

ни охмуряющего жертву самца.

Выглядело смешно и гадостно.

– Садитесь, пожалуйста. – Он галантно предложил отодвинутый стул, вскочив одновременно с поднимающимся по тому же поводу Владом, но на долю секунды опередил в стремительности, никак не предполагаемой при имевшихся барских замашках и телосложении.

На полпути вверх Влад сменил вектор и вновь плюхнулся на стул.

– Что будете пить? Официант! – Гений от фотографии завертелся вокруг Нины волчком.

Ей это понравилось.

После выяснения пристрастий в еде и питье Аристарх Алексеевич, не приняв возражений, заказал всего с запасом. Стол завалили стаканами с холодным, чашечками с горячим и блюдечками со сладким.

Торжественно и длинно представившись сам, мэтр с умилением выслушал скромное и тихое:

– Очень приятно. Нина.

– Какое красивое имя!

Он едва не подскочил, а сидел теперь так, будто шилом в стуле обзавелся.

Это шило с удовольствием вставил бы ему Влад.

Гм. Поскольку шилом была Нина, его жена, – значит, все же вставил?

Изредка бросая взгляды на Влада – «Не перегибаю ли

палку, не бросится ли ревнивый муж исправлять ситуацию, твердой рукой беря излишек жизнелюбия конкурента и запихивая в подходящее отверстие?» – фотограф обхаживал Нину, восторгаясь, млея и выказывая кстати и некстати удовольствие сидеть рядом с такой умницей и красавицей.

– Эту красоту необходимо выплеснуть на бумагу и запечатлеть на самом большом формате, – вещал он с придыханием, – и мир станет прекраснее, он скажет спасибо! Я бы повесил ваш портрет в холле студии, чтобы клиенты могли любоваться и видеть высшее из того, что может создать рука мастера с созданием Божьим. Как шедевр одного передает творение другого. Я знаю, как сделать это, я практически вижу...

Влад с Ниной не узнали, что же он видит, их озадачили вопросом:

– У вас есть какие-то идеи, наметки? Я вижу по-своему, но с удовольствием разовую любую тему. Вы не захватили примерные снимки или наброски того, что желали бы в конечном результате?

По взгляду на Влада Аристарх Алексеевич понял, что положительно тот не настроен, и сменил галс – бросился окучивать Нину, опыляя липким ядом лести:

– Я могу изобразить вас, Нина, как никто в этом городе и мало кто в этой стране. Видели мои работы? Кто еще расскажет о женщине с такой мощью и темпераментом, покажет достоинства в одном повороте головы? Поверьте, вы достойны

большого, чем представляете. Я смогу показать вас во всем блеске и великолепии. – Из-под стола появился раззявившийся портфель, а из его желудка – пачка глянцевого фотографий. – Например, вот так. Но будет еще лучше. Только представьте!

Нина кивала автоматически, а щеки пылали: природную стыдливость перебарывало неподвластное мозгу желание так же бесстыдно стоять под светом софитов, выгибаясь в сладостном полустоне, как изящная девушка на изображении. Или вот так – прислоняясь теплой грудью к холоду белой стены – до мурашек по коже – и приподнимать ножку будто при поцелуе, обернув лицо в камеру и многозначительно глядя на того, кто изо всех сил борется с желанием перевести взор с глаз на залитое золотым светом знойное достояние. Или в позе тоскующей русалочки, в печали одиночества скорбно свесившей голову, посылать зрителю сообщение о полыхающем внутри пожаре. Или...

Снимков было много. Фотограф доставал один за другим, пристально следя за вниманием, будучи как бы вместе в мечтах и видениях и переплетая их со своими.

Затуманенный взгляд Нины облекся в форму вопроса и плавно-влажно переместился на Влада: «Позволим мастеру сделать так, как он предлагает?»

Ее глаза говорили о желаниях. Ответный взгляд Влада сказал о сомнениях.

Метавшийся между ними гений изобразительного искус-

ства ловил нюансы и делал выводы.

– Для такой серии нужно много сил, времени и терпения. – Фотохудожник говорил вкрадчиво, пытливо заглядывал в глаза, стараясь насколько возможно сохранить визуальный контакт. – Это дело не одного дня, но результат превзойдет ожидания, он окупит любые неудобства...

Прямая передача мыслей и подспудных желаний выбранной жертве прервалась – возбужденный взор Нины вернулся на Влада.

Змей-искуситель на секунду завис, мгновенно перезагрузился и заюлил перед Владом.

– Не обязательно отпускать супругу одну, можно присутствовать, наблюдать за творческим процессом. Можно даже участвовать. Например, предлагать свои варианты.

Фотограф снова глянул на Нину – в очередной раз оценивающе выискивая что-то. И – надо же – нашел. Опыт не подвел.

– Кажется, я понял, – он снизил голос почти до шепота, склонившись вроде бы к уху Влада, но так, чтобы жена слышала, – красавица стесняется раздеться при посторонних? Помилуйте, разве фотограф – посторонний? Он как врач, только лучше. Врач лишь восстанавливает статус-кво, когда убирает привнесенные болячки и хвори, а мы уносим в прекрасное, находим божественное там, где было просто красиво, а исконно божественное возводим на новую ступень, показывая во всем величии. На то мы и художники!

Нина таяла от слов, желание боролось со стеснением, при этом Влад видел, что она откровенно трусит. Но ведь хочет. Хочет сделать именно то, о чем говорит мастер.

И ведь как говорит... Как маслом по холсту.

Однако, мимика Влада хорошего не сулила, и творец выдал:

– Расценки у меня небольшие... – и, по лицам осознав неутешительный итог, он принял превентивные меры, – но пробный портрет я сделаю бесплатно – для музея, где через неделю у меня состоится выставка. Требовалось лицо для главной экспозиции, и, кажется, я его нашел.

Нина вертела в ладони выющийся локон, мечтательно уплыв в прекрасную... прекрасно нарисованную даль. «Ну? – выразительно спросили Влада ее глаза. – И ты еще сомневаешься?!»

– Вот визитка, – настойчивый благодетель положил перед Ниной мелованный прямоугольник в вензелях, – жду завтра вечером. Поверьте, вам понравится результат. Я знаю. Нет, я гарантирую.

Подхватив портфель, он двинулся в сторону стойки, чтобы расплатиться.

Фотограф совершил ошибку. То, что могло стать побудительным мотивом для Нины – фото такого уровня без материальных затрат – для Влада вспыхнуло красным на перекрестке.

– Пойдите.

Влад вернул визитку. Ничего бесплатного на свете не существует. Нина это тоже поймет – чуть позже, когда обо всем хорошенько подумает.

– Простите, у нас другие планы.

4

Претендующий на большее маститый фотограф надежд не оправдал, и нарывавшую занозу идеи Влад вытащил по-другому: если хипповатый художник сумел передать сущность красками, почему не предложить увидеть красоту с помощью видеоискателя? Затем были звонок, согласие, и наступил день нынешний. Ночь отбила стратегические высоты у казавшегося нескончаемым вечера, отстреливая последние очаги сопротивления. Нескладный и задумчивый человек искусства, сопровождавший на пути в неведомое, морщил лоб и поправлял очки. Влад проинструктировал его насчет будущих действий, теперь соучастник маялся в ожидании. Они заняли подходящую позицию напротив главных достопримечательностей города. Лучший вид в историческом центре: крепостная стена, памятник дружбе и модернистские изыски окружающих зданий. Преемственность поколений и уверенность в будущем, построенная на фундаменте прошлого – идеальное сочетание.

Движение масс и печальных либо нетрезвых одиночек не прекращалось, людской муравейник не хотел спать. Влад взял из машины небольшой штатив и вывел жену под тень

деревьев. Теперь – только ждать.

И когда среди прохожих возник пробел...

Влад почти выволок Нину на пяточок перед монументом.

– Готов? – бросил он артисту полотняного жанра.

Распрямив ноги штатива, Павел оглядел диспозицию через сузившийся кругозор видеоискателя.

– Можно.

– Работаем!

Круглый глаз объектива уставился на Нину. Она подала руки чуть назад, словно готовясь взлететь...

Влад перекинул через руку соскользнувшее с жены пальто. Пальто – единственное, что связывало красоту с мирком, передвигавшемся короткими перебежками из окопа работы в надежный блиндаж дома. Сейчас красота правила миром.

– Замри на несколько секунд, – прошептал Влад.

Можно повторить виденное – позы, взгляды, антураж, вышло бы не хуже других. Но все это не то. Владу требовалось нечто другое, достойное его женщины – единственной и неповторимой. Если картина Павла кричала о любви жены, то снимок должен рассказать о любви к ней.

– Давай! – последовал кивок художнику.

Павел нажал на спуск.

Ни шума, ни вспышки. Работал режим многосекундной выдержки для съемок в темноте. Свободной рукой Влад выделял скоростные кренделя позади жены, то включая, то выключая экран телефона.

Готово. Телефон вернулся в карман, пальто – на плечи жены, и, словно нашкодившие озорники, Влад, Нина и Павел понеслась к радостно пикнувшей открывшимися замками заждавшейся машине.

Чуть позже, когда подвезенный к дому художник попрощался и вышел, ладонь жены накрыла скакавшую по pedalям ногу Влада.

– Я не поняла, что ты делал с телефоном сзади меня.

Слепили встречные фары, фонари трассирующими очередями уносились назад. Влад молча следил за дорогой. Объясненный сюрприз перестает быть сюрпризом.

Не дождавись ответа, Нина распахнула пальто.

Рулить стало трудно. Влад быстро, насколько позволили условия, припарковался. На обочину – и в плен родной души. Нина прижала его голову к груди.

– Что же ты делал? – снова спросила она.

– Дома увидишь, – пробулькал он, хватая губами воздух...

Потом было счастье. Не раньше чем через час, всклокоченные и помятые они добрались до постели и рухнули в нее – ни до чего не было дела, оба провалились в сон как в спасение.

5

Допустим, стоит на улице мужчина с букетом и сияющим лицом. Дополнение в угоду толерантности: цветы ему не подарены. Что о нем сказать? Первое, что приходит в голову:

он не женат, но собирается. Бежит к невесте. Второе: он не женат и не собирается. Бежит за удовольствиями. Третье: он женат, но цветы – не жене. Понятно, куда бежит. Четвертого не дано. Если бы цветы предназначались супруге, их, метя улицу бутонами, тащили бы как веник, с печатью вынужденности на постной физиономии.

Из правила было нелепое исключение – он, любящий до потери сознания неправильный муж. С определенных пор Влад понял, что нашел сокровище, перевесившее все возможности мира. Оставшееся существует потому, что оно где-то существует, не больше. Пусть кто-то неустроенный и жалкий твердит, что «чужим милее наше, а чужое – нам». С глупыми не спорят. Это их беда – недалеких, несчастливых, зорящихся на чужое. Менее преуспевшие в беготне на месте им даже завидуют, называют счастливлчиками и смакуют подвиги на поприще разовых удовольствий. Но если человек умеет любить только физически – человек ли это? Чем отличается от животного? Зачем нужен?

Влад не понимал. Таким, видно, уродился – тупым и не понимающим простейшего, что для других очевидно.

С другой стороны: да, вот такой он тупой и не понятливый... но ведь счастливый. И никому-никому не завидующий.

А разве нужно что-то еще?

Утром, когда глаза Нины открылись, над кроватью висело свежеотпечатанное изображение. Картинка вышла чуть сма-

занной, но это лишь прибавило шарма. Мелькание Влада на заднем плане прошло незамеченным, для ночной экспозиции неподсвеченных движущихся объектов не существовало, запечатлевались только статичные. Под царственностью каменного шедевра Нина стояла одна. Красочной аурой вокруг вились буквы, выписанные рукотворным светлячком – обволакивающие, чувственные, тянувшие в объятия. Движения яркого экрана выставленный режим съемки передавал как картинку – так на снимках ночных городов свет автомобильных фар на дорогах становился сплошными линиями. Движения телефоном стали буквами. Буквы сливались в слово и говорили самое важное, самое приятное, самое нужное, объясняя произошедшее и зовя в путешествие по времени до крайней точки и за нее:

«Любимая!»

Ой, всё

Положив голову мне на плечо, ты нежилась в согревавших руках, за окном пели птицы и ветер, на кровати танцевали наши спевшиеся души. Счастье.

– Знаешь... – сказала ты и умолкла.

– Нет, – откровенно ответил я, – не знаю.

– Впрочем, наверное, не нужно.

Нет уж, дудки.

– Уже нужно.

– Нет, зря я начала.

Вот она – женская логика. Начать, заинтриговать, оставить.

– Теперь – точно нужно.

– Не знаю, как сказать...

– Скажи прямо.

– Но...

– Никаких «но».

Не люблю «но», просто ненавижу. Известно же: все, что до «но», значения не имеет. Из-за препротивнейшего двухбуквенного союза возникает ощущение, что вся наша жизнь – одно сплошное бесконечное «но».

Ты понимающе кивнула, но все еще сомневалась.

– Не знаю. Ты обидишься.

– Почему?

– Это... нехорошо.

– Кому?

– Не «кому», а просто нехорошо. Неприлично.

– Между нами осталось еще что-то неприличное? Непременно нужно исправить.

Ты отвела так и не сползший в улыбку взор.

– Ты не понимаешь.

– Чего?

– Этого.

– Прости, не понял, чего «этого»?

– Серьезности того, что я пыталась сказать.

– Это настолько серьезно?

Мышцы у меня окаменели. В лице, видимо, тоже что-то изменилось.

– Что ты, – испугалась ты произошедшей метаморфозы, – совсем нет.

– Тогда я совсем ничего не понимаю.

– Вот ты со мной и согласился.

Твое лицо озарила чистая лучистая улыбка.

– С чем? – опять не понял я.

– С тем, что ты не понимаешь.

Я окончательно запутался.

– Мы сейчас говорим вроде бы не о согласии насчет понимания. Ты собиралась мне что-то сказать. Я слушаю.

– Ну ладно. Хорошо. Только не смейся.

– Я когда-нибудь над тобой смеялся?

– И не обижайся.

– Обещаю.

– И не перебивай.

– Само собой.

Ты вздохнула. Отступить было некуда.

– Знаешь... – Пауза затянулась. Встряхнув головой, ты зарылась лицом в ладони. – Нет, не могу.

Я обнял тебя еще крепче. Ты уткнулась лбом мне в плечо. Родная, любимая, единственная. Теплая, нежная. Вкусная. Моя. Здесь и сейчас, вчера и завтра, отныне и навсегда. Такая, как сейчас – прекрасная и задумчивая. Милая и непосредственная. Искренняя, робкая. Наивная и обольстительная. Ты излучала чарующее тепло, окутывая им с ног до головы. Исходящие от тебя искушающее обаяние и надежный покой туманили мозг и заставляли забыть обо всем.

Но не о том, что зудящей занозой сидело в мозгу.

– И? – выдохнул я в нетерпении.

Мои пальцы сжались сильнее.

Ты легонько поежилась.

– Ну не могу я. Это не просто.

– В жизни все не просто.

– Да. – Ты выдохнула с облегчением. – Ты прав. В жизни все не просто.

– И?

– Что «и»?

– Говори же, наконец.

– Что говорить?

– Откуда я знаю?

– Зачем тогда спрашиваешь, если не знаешь?

– Откуда мне знать, если ты еще не сказала?

– Чего?

– Того, что хотела сказать!

– Я уже все сказала, потом ты со мной согласился, а я признала твою правоту.

– Нет, ты хотела сказать что-то еще.

– Ничего я не хотела.

– Но ты начала...

– Это ты опять начинаешь. Сколько можно? – Ты отстранилась. – Такой хороший вечер был, а ты опять все испортил.

Пашка

После ужина Пашка пристроился с книжкой в углу дивана. Отец оторвался от экранных «пешеходов юродивых», как с чьей-то подачи именовал наших футболистов, хотя болел за них всей душой и, не задумываясь, отдал бы за победу почку. Даже обе.

– Что уважаемый Паландреич заказал Деду Морозу?

Отец часто величал разменявшего семнадцатилетие Пашку по имени-отчеству – с напускной серьезностью, где смешались ирония и любовь.

Пашка задавил вздох в зародыше.

– То же, что и в прошлом. Вместо смартфона прижми-стый старик опять приволок под елку пакет с конфетами от заводоуправления.

– Дрюня, зачем мальчику душу рвешь? – Мама с укором покачала головой. – О подарке поговорим, когда насчет премии прояснится.

Дрюней Андрей Александрович был только для мамы. В ответ отец звал Александрина Андреевну Дриной, вместе получалось чудесно.

Мама, одетая в цветастый халат и шлепанцы, гладила белье на письменном столе, отец в майке и трениках эмоционально «болел за наших» в кресле напротив телевизора, одной рукой он с чувством скреб пузо под майкой, в дру-

гой задумалась о гримасах реинкарнации початая бутылка пива. Пашка поморщился: не семья, а телепародия на саму себя. Антураж соответствовал: потертая мебельная «стенка», люстра с покрытыми паутиной пластиковыми висюльками, продавленные тремя поколениями диван с креслом... До смерти хотелось чего-то другого, нового, но для рывка в светлое будущее не хватало денег. Доход семьи откладывался на операцию для бабушки, остальное уходило на помощь уехавшим учиться сестрам.

– Дрина, запомни, наш мальчик – уже не мальчик, на телефон он заработает сам. И в упор не понимаю, чем его нынешний аппарат не устраивает. Столько лет прослужил и еще не меньше прослужит. У нас и таких не было. – Во взгляде мамы скользнуло неодобрение, отец сменил тон: – Что-нибудь придумаем, когда годовую премию выдадут.

Пашка процедил с дивана:

– Будет премия или нет – зависит от меня.

– Что-то не получается? – посочувствовала мама.

– Я не о своей премии. Говорю обо всех.

Такого впечатления на родителей не удавалось произвести даже пятеркой по английскому. Отец приглушил звук телевизора.

– Изволь объясниться, Павел Андреевич.

– По сборке не укладываемся.

– При чем здесь ты?

Пашка отложил книгу, разговор предстоял долгий.

– В цеху мне поручили тряску и поливку готовых антенн. На вибростенде каждую положено держать по сорок минут, а дождевание делать по два часа. Антенн много, к Новому Году не успеть при всем желании.

После девятого класса Пашка сразу пошел на завод. Завод был военным, родители работали там же, папа – токарем, мама – нормировщиком. Пашку пристроили учеником слесаря-сборщика – в элиту рабочего класса, как она виделась со стороны, поскольку все заводские рабочие носили черные халаты, и только работники сборочного цеха – белые.

Профессия «слесарь» в названии оказалась фикцией, единственным занятием была сборка. Как на конвейере, только без конвейера. Готовую продукцию рабочие сами переносили с участка на участок. В цеху собирали наземные и корабельные станции слежения. Весь завод, можно сказать, работал на сборочный цех, а цех – на бригаду крупноблоковой сборки и сдачи заказчику. Ученику поручили простейшее дело – таскать готовые антенны на испытания тряской и водой.

Мама всплеснула руками:

– Станции отправят военным только после праздников...
– До отправки они могут месяц в цеху лежать, – перебил отец, – но продукция должна быть опломбирована датой уходящего года, иначе...

Он со вздохом умолк. Годовая премия заводчан зависела от выполнения плана, а тот, как теперь выяснилось, срывал-

ся по вине сборщиков. Родители переглянулись, выражения лиц предвещали наступление тяжелых времен. В семье считывали на премию. В планах ее уже распределили и потратили.

– Ничего нельзя сделать? – Надежда в мамином голосе изо всех сил боролась со здравым смыслом. Пашка признался:

– Вчера подошел Валерка Ясин, он занимался тряской и дождеванием до меня. Валерка сказал мне по секрету, что с вибростенда под душ и обратно можно весь день таскать одни и те же две антенны, а остальные сразу передать на финальные испытания. Со стороны будет казаться, что работа идет с каждой. Бригада выиграет уйму времени.

Отец трудился в цеху обработки металла, мама – в заводууправлении, но оба примерно представляли Пашкину работу. Под словом «антенна» обычно подразумевается проволочная решетка, длинный штырь или жестяная тарелка, большинство гражданских антенн выглядит именно так, но антенна военной станции – это тяжеленная, похожая на стального ежа, конструкция с собственным электронным блоком размером с хороший ящик. Если подлезть коленями снизу и правильно взяться сверху, в одиночку ее можно перенести в помещение с вибростендом, напоминавшим стиральную машину, запущенную в режиме сушки. Там прикрепленную болтами антенну трясло необходимое время, после чего Пашка тащил ее в душевую, где надолго оставлял под бившими со всех сторон струями воды. После испы-

таний квалифицированные слесари-сборщики производили проверку на герметичность и подтягивание внутренних соединений, готовые антенны соединяли с блоками станции, бригада на грузовике выезжала за город на полигон, где проверяла систему в сборе, подняв на высокой мачте. Последний штрих по возвращении – упаковка и опломбировка ящиков представителями завода и заказчика.

Завтра – последний рабочий день года. Бригада не укладывалась в график, даже оставшись во вторую смену. Предложение Пашкиного предшественника показалось маме отличным выходом.

– Вот! – обрадовалась она. – Хорошо придумали.

– А войска получают не пойми что?! – взорвался отец. Даже пиво в руке расплескалось.

По убеждениям он был из тех несгибаемых коммунистов, у кого дома или в машине на тебя откуда-нибудь обязательно смотрит с фотографии усатый Иосиф Виссарионович. Мама, словно в противовес, была либералом в худшем значении этого слова. Отец гордо говорил «Родина», а мама, пренебрежительно, «эта страна». После какой-нибудь теленовости от Александрины Андреевны часто слышалось «Какой ужас, надо валить», с чем Андрей Александрович мгновенно соглашался словами из бородатой шутки: «Давно об этом говорю. Кого первым?» Непонятно, как сошлись и десятилетиями уживались в одной квартире столь разные люди. Скорее всего, мама полюбила отца за несгибаемость и самоот-

верженность, а он ее – за отстаивание интересов семьи любой ценой и... наверное, было за что еще. Некогда мама блистала красотой, у нее отбоя не было от ухажеров. Мировоззрение родителей могло разделиться с годами или, возможно, они изначально видели друг в друге больше хороших людей, чем идейных противников, но семья счастливо существовала и вырастила троих детей. Сейчас обоим родителям наступили на большую мозоль.

– Плевать мне на военных, – завелась мама, тоже переходя на повышенный тон. – Только деньги у народа отнимают.

– А если завтра война? – У отца задергался глаз.

– Господи, с кем?

– Дрина, война уже идет! Идеологическая!

– Идеологическая, напомню, коммунистами давно и успешно проиграна.

– Это нам так в девяностые объяснили, а весь мир считает, что проиграла Россия, а не коммунисты. Позволь встречно напомнить, что на самом деле Запад воевал не с коммунизмом, коммунизм был поводом. Истина состоит в том, что в отличие, к примеру, от коммунистов-китайцев мы тоже европейцы, но наша правда убьет западную правду, оттого между нами и вечная война не на жизнь, а на смерть. Война за правду!

Оба на миг замерли, как боксеры после разведки боем, готовя убийственные доводы и не менее фатальные контрдоводы.

Пашка не встречал в перепалку. Опыт говорил, что это бесполезно и даже опасно.

– Как вбить в твою тупую башку: не будет никакой войны! – начала мама новый раунд. – Ядерной войны не допустят, потому что в ней не будет победителей, а глобальная обычная никому не нужна, умирать и посылать на смерть своих детей не захочет никто.

– Вот оно, воспетое Голливудом «Спасай задницу! Не будь героем! Пусть унижат и плюнут в лицо, зато жив останешься!»

– Да никому не потребуется твое геройство, если не смотреть друг на друга, как на врага.

– А зачем тогда множатся вокруг России базы наших «друзей»? Разве друзья так поступают?

– Потому что объединяться нужно, а не разъединяться, об этом весь мир нам талдычит!

Отец улыбнулся и снизил накал речи:

– Какие бы ни звучали уверения в миролюбии, но когда видишь... да что там, когда просто чувствуешь направленный на себя ствол в руках у того, кто легко нажмет на спусковой крючок, просыпается инстинкт самосохранения. На подсознательном уровне. Он-то и заставляет объединяться против таких друзей.

– Объединяться нужно не «против», а «за», тогда не нужно делить людей на наших и не наших. Неужели не понимаешь? Загляни в будущее, оно за глобализмом, другого быть

не может, это закон развития общества.

– Ага, из-за бугра только и слышно: глобализм – светлое будущее человечества. Жаль только жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе. Потому что под глобализацией спрятала хитрую мордочку американизация. Как сказал Сталин, «Всегда думал, что демократия – власть народа, но товарищ Рузвельт доходчиво объяснил, что демократия – власть американского народа».

– Эту фразу ему приписывают.

– Откуда тебе знать, если не читаешь, не слушаешь и не смотришь ничего, с чем не согласна? И, кстати, чем коммунизм хуже твоего глобализма, если то и другое предполагает объединить людей всей планеты ради всеобщего равенства и счастья? Или, все же, у глобализма другие цели?

– Это у коммунизма другие цели!

– Какие же другие, любопытно послушать?

– Историю учи, неуч!

– Кто бы говорил!

Пока оба выбирали доводы посокрушительней, Пашка воспользовался паузой:

– Валерка сказал: если из-за меня план не выполнят, мне, конечно, никто слова не скажет, ведь я как бы прав... Но у всех есть семьи, дети, кредиты...

– А как потом жить будешь, – задумчиво произнес отец, отставив пиво на пол, – если пойдешь на поводу, и по твоей вине чужую ракету пропустят или своя не туда полетит?

– Хорошо жить будет! – вступилась мама, выключив уют, чтобы не отвлекал. – Преступному режиму армия нужна, чтобы удерживать и усиливать власть, больше ни для чего. Чем слабее армия, тем меньше жить режиму.

– Для тебя и твоих друзей любая власть в России преступна, во все времена и при любом правителе-патриоте, – объявил отец. – И вспомни Элизабет Руссе. Хочешь, чтобы с нашим сыном обошлись так же?

Родители у Пашки были начитанными, полки мебельной «стенки» заполняли штабеля книг, а не посуда, как принято у других, но сейчас отца не поняла даже мама:

– Кого вспомнить?

– Пышку.

Пашка не понял, о какой пышке, Пышке или «пышке» говорят, а лезть с вопросами не стал. Просто не смог, родители вновь завелись на всю катушку.

– С ума сойти, – едко отреагировала мама. – Когда в магазин идет, несколько продуктов запомнить не может, а девицу легкого поведения... – Заметив заинтересованный взгляд Пашки, она вернулась в тему. – Пример хороший, но неправильный, все будет наоборот. Нашему сыну еще работать в том коллективе, и если он всех подставит...

– А подставить Родину, – перебил отец, – по-твоему, лучше?!

– А смотреть в глаза людей, которые по его милости без денег останутся? – Выйдя из-за стола, исполнявшего роль

гладильной доски, мама встала перед отцом, сурово наставив руки на бока. – Недополученные деньги – это неосуществленные мечты, недолеченные болезни, недокормленные дети... Подумай, что будут говорить о нашем сыне! Ему еще жить и жить в этой стране!

Отец тоже поднялся, он не любил, когда с ним разговаривают свысока во всех смыслах.

– Скажут, что молодец, что так должен поступать каждый. Нашим сыном будут гордиться. И покажи тех, кто говорит по-другому, мы с ребятами с ними по-своему потолкуем.

– Вот вся твоя сущность: любому оппоненту – в морду кулаком или по макушке ракетой, лишь бы по-твоему стало!

– При чем здесь ракеты? Не на того валишь. И, кстати, я мирные города атомными бомбами не взрывал. И друзей, которые так поступают, иметь не хочу.

– Потому у тебя не будет много друзей!

– И не надо! Единственные друзья России – армия и флот, как сказал...

– Спокойной ночи, – громко выдал Пашка поверх ругани. Он встал и направился в спальню.

Родителей будто выключило, комната погрузилась в звенящую тишину.

– Спокойной... – бездумно начала мама, но беспокойство не отпускало. – А нельзя время стенда и дождевания сократить?

Пашкин обреченный жест объяснил ситуацию раньше

СЛОВ:

– Тогда на полигон придется возить поштучно, по степени готовности, а на оформление пропуска и осмотр грузовика почти час уходит. Об этом тоже думали. Не получается.

Отец удовлетворенно сказал:

– И хорошо, что не получается, время испытаний установили не зря, оно таково, каким должно быть, чтобы ничего не ломалось. Паландреич, выбор очевиден: либо премия, либо качество. – Он устало опустил в кресло. – Сынок, тебя подставили. Что ни выбери, тебя проклянут. Почитай «Пышку» Мопассана, увидишь, как с тобой обойдутся, если сделаешь то, что от тебя хотят.

– А если не сделает, обойдутся еще хуже! – стояла мама на своем. – А зачем возить станции на полигон? – продолжала она искать выход, – разве на заводе места мало?

– Излучение и помехи, – выдал Пашка фразу, услышанную в цеху. – Испытывать разрешено только за пределами населенных пунктов.

Мама обернулась к отцу:

– А твой Сталин на мелочи вроде излучения даже внимания не обратил бы.

– За такие слова, Дрина, он на тебя внимание обратил бы.

– Вот-вот, и это тоже, Дрюня, спасибо за аргумент.

– Спокойной ночи, – окончательно сказал Пашка.

Квартира вновь погрузилась в тишину.

– Пашенька, – остановила мама, – тебе завтра делать судь-

боносный выбор. Ты слышал мои аргументы, скажи, разве я не права?

– Наверное, права, мама.

В один миг отец будто постарел на сто лет – обмяк, ссутулился, взгляд потускнел.

– То есть, сынок, считаешь, что я неправ?

Пашка помотал головой:

– Ни в коем случае не считаю, папа. Конечно же, ты тоже прав.

Лица родителей застыли, как у мраморных изваяний.

– Так не бывает! – вырвалось у обоих.

– К сожалению для меня, бывает. – Пашка удрученно развел руками. – Простите, завтра тяжелый день, я пошел спать.

– Какой же выбор ты сделаешь? – не выдержала мама.

– Еще не знаю. До утра времени много, подумаю.

Когда дверь за ним закрывалась, вслед дружно раздалось:

– Сынок, никого не слушай, поступай, как подсказывает совесть!

Цель

Постельная зарисовка с неправильной философией

Ночь. В глазах – звезды, неизвестно как просочившиеся в темень спальни. В мыслях – гармония. В его руках – она, теплая, желанная, родная. Считается, что если человек счастлив, то обычно не знает об этом. А они знали. И были безмерно бесстыдно счастливы.

– Почему у одних людей есть путеводная звезда, а у других – нет? – спросила она.

– Если ты о любви...

Все просто: без любви жизнь – ничто, что понимаешь, когда встретишь настоящую любовь. Или когда ее потеряешь. Потому, понявших – единицы, а счастливых еще меньше. Он набрал воздуха для ответа...

Она перебила:

– Я не о любви, я о другом.

О другом? Если задавить в себе пытавшегося сползнуть поручика Ржевского, то...

Об установленных себе правилах и принципах?

О вере?

О славе?

О карьере или получении еще одного образования?

О национальной идее?

О ране оскорбленной справедливости, после чего хочется

положить жизнь на узнавание сладости отсроченной мести?

О желании сделать из детей вундеркиндов и/или олимпийских медалистов?

О жажде стать чемпионом мира по чему угодно?

О мечте слетать в космос?

О покорении вершин?

Об «увидеть Париж и умереть»?

– О цели в жизни, – пояснила она. – Не иметь четко поставленной цели – это плохо?

Он задумался. Привести в пример идейных фанатиков? Не разбирая средств, они гонят окружающих туда, куда считают нужным, чужие желания их не волнуют, и цель у них, определенно, есть. Или: заработать миллионы – чем плохая цель? Многих устраивает. И тоже – вперед, по трупам, наплевав на дружбу и прежние отношения. Или – совершить нечто небывалое, чтобы прогреметь в веках, давать интервью, красоваться на обложках, дефилировать на подиумах и выступать на корпоративах...

Люди, прущие к искусственно изобретенным целям, ему не нравились. Цель, достойная быть осуществленной, должна родиться в сердце – прийти сама и изменить жизнь к лучшему. Как любовь.

Впрочем, почему «как»?

– Не иметь четко поставленной цели не плохо, – сказал он, – а хорошо. У кого есть четкая жизненная цель, тот для счастливой жизни потерян.

Ошарашил, да. Ее длинные ресницы вздернулись:

– Но ты... У тебя есть цель, и ты счастлив.

– Когда-то давно – да, у меня была цель. Я достиг ее. Теперь иду вперед вместе с ней.

Она поняла. Благодарно прижалась.

– А как же прочее? – слышалось тихое.

– Прочее не интересует.

– Но сказанное тобой «вперед» – оно бывает разное.

– Направление такое же, как у всех: посадить дерево, построить дом, родить сына, а дальше – преумножать.

– Целью теперь стало это?

Он покачал головой:

– Это средство.

– А цель... кроме счастливого семейного очага... она осталась?

– Конечно. Я в нее часто целюсь... – зашептал он, одной рукой привлекая к себе любимую, другой потянувшись вниз, – и с удовольствием попадаю...

Пробуждение

Миниатюра

Доброе утро, Солнышко, вставай. Мир ждет твоего появления, замерев в нетерпении, ему так долго было плохо без тебя. А мне, твоему мужу, особенно. Потому что мир без тебя – дом без жильцов. Корабль без экипажа. Альпинист без страховки. Пока ты нежишься в полудреме, а возродившаяся Вселенная наполняется желанием петь, я поделюсь очередным потоком сознания, что носился в туманной поушру голове, пока твои ресницы не улыбнулись рассвету.

«Последнее танго в Париже» Бертолуччи делал в тридцать два года, а «Мечтателей» – в шестьдесят три. Первый фильм опустошающе трагичен и безысходен, от него веет отчаянием. Второй, столь же шокирующий и провокационный, пронизан неявной, но однозначной надеждой. Несмотря ни на что. Пусть и грешит излишней орнаментальностью, в отличие от минималистского первого. Возраст, видимо, сказался. Точнее, опыт. Автор хочет верить в лучшее, но людей теперь знает больше, чем раньше. Но раньше-то, если вспомнить, вообще в грош не ставил! То есть, когда все было хорошо, ему хотелось кричать от отчаянья, а теперь, когда все лучшее в прошлом, он хочет на что-то надеяться?

Вот и у остальных так же, ага. Но. Видящий вперед – не остальные. Имеющий, что сказать – вне толпы. Он над тол-

пой. Он в полете. Особенно, если он не только имеющий, но и умеющий сказать. Сверху всегда видно лучше. Имеющий-умеющий сказать склеивает разрозненную реальность в нечто неожиданное, но логичное. Шокировать нелогичностью – это низ лестницы, а перевернуть мировоззрение, показав изнанку истины – облака, в которые она уходит.

И все же – в отношении изменений – почему?!

Нет, сам маэстро, на мой взгляд, не изменился. Перемены во взглядах – технические. Знаменитый режиссер остался тем же гениальным жизнелюбивым хулиганом, который с удовольствием играет в мизантропию. Да, всего лишь играет, иначе не смог бы неоднократно создать нечто столь поразительное и пронзительное. К чему веду? Возраст в творчестве – ни при чем. Можно многое сказать в двадцать три и прославиться, а можно – после восьмидесяти, и с тем же результатом. Правда, молодых ценят выше. Несмотря на навивно-детскую «усталость» от еще не познанной жизни. Умиляются их отстраненностью, цинизмом и показушной прожженностью в делах сердечных. Еще и учатся на теориях, подкрепленных лишь смертью. Никак не счастьем. Хотя последнее было бы более резонно.

Ни в коем случае не говорю, что, к примеру, Отто Вейнингер или Михаил Лермонтов – не гении. Но. Судьба не дала им узнать, что же есть полноценная жизнь на самом деле. Их взгляд на отношения – потребительский взгляд ребенка, который требует от мамы всего и сразу. Им не понять, ка-

ково это – быть той самой мамой, которая «должна». Взглянуть на мир глазами родителя им не дано – в силу того, что сначала надо действительно стать родителем, взрастить, выпестовать, научить, направить...

Дети всегда знают лучше «как надо». Опять-таки – увы.

Люди в возрасте снисходительны к ярлыкам, которые развешиваются на красках жизни и оттенках взаимоотношений. Чем старше становишься, тем (вопреки логике) больше любишь людей. Наверное, потому что лучше понимаешь. И уже – к тому времени – умеешь прощать, увидев, как прощали тебя. Поняв, что без прощения любви не бывает.

А дальше справедливо-естественный вывод: чем сильнее любишь всех людей, тем лучше умеешь любить одного. Того, который рядом. Того, без которого не можешь жить.

Вот об этом я и хотел поговорить с тобой, любимая.

Ты меня понимаешь?